

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> приятного чтения!

Альберт. Лев Николаевич Толстой

I.

Пять человек богатых и молодых людей приехали в третьем часу ночи веселиться на петербургский балик.

Шампанского было выпито много, большая часть господ были очень молоды, девицы были красивы, фортепьяно и скрипка неумолимо играли одну польку за другою, танцы и шум не переставали; но было как-то скучно, неловко, каждому казалось почему-то (как это часто случается), что всё это не то и ненужно.

Несколько раз они усиливались поднять веселье, но притворное веселье было еще хуже скуки.

Один из пяти молодых людей, более других недовольный и собой, и другими, и всем вечером, с чувством отвращения встал, отыскал шляпу и вышел с намерением потихоньку уехать.

В передней никого не было, но в соседней комнате, за дверью, он услышал два голоса, спорившие между собою. Молодой человек приостановился и стал слушать.

– Нельзя, там гости, – говорил женский голос.

– Пустите, пожалуйста, я ничего! – умолял слабый мужской голос.

– Да уж не пушу без позволения мадамы, – говорила женщина: – куда вы? ах какой!...

Дверь распахнулась, и на пороге показалась странная мужская фигура. Увидав гостя, служанка перестала удерживать, а странная фигура, робко поклонившись, шатаясь на согнутых ногах, вошла в комнату. Это был среднего роста мужчина, с узкой согнутой спиной и длинными всклокоченными волосами. На нем были короткое пальто и прорванные узкие панталоны, над шершавыми нечищенными сапогами. Скрутившийся веревкой галстук повязывал длинную белую шею. Грязная рубаха высовывалась из рукавов над худыми руками. Но, несмотря на чрезвычайную худобу тела, лицо его было нежно, бело, и даже свежий румянец играл на щеках, над черной редкой бородой и бакенбардами. Нечесанные волосы, закинутае кверху, открывали невысокий и чрезвычайно чистый лоб. Темные усталые глаза смотрели вперед мягко, искательно и вместе важно. Выражение их пленительно сливалось с выражением свежих, изогнутых в углах губ, видневшихся из-за редких усов.

Пройдя несколько шагов, он приостановился, повернулся к молодому человеку и улыбнулся. Он улыбнулся как будто с трудом; но когда улыбка озарила его лицо, молодой человек, – сам не зная чему, – улыбнулся тоже.

– Кто это такой? – спросил он шопотом у служанки, когда странная фигура прошла в комнату, из которой слышались танцы.

– Помешанный музыкант из театра, – отвечала служанка: – Он иногда приходит к хозяйке.

– Куда ты ушел, Делесов? – кричали в это время из залы.

Молодой человек, которого звали Делесовым, вернулся в залу.

Музыкант стоял у двери и, глядя на танцующих, улыбкой, взглядом и притоптыванием ног выказывал удовольствие, доставляемое ему этим зрелищем.

– Что же, идите и вы танцевать, – сказал ему один из гостей.

Музыкант поклонился и вопросительно взглянул на хозяйку.

– Идите, идите, – что ж, когда вас господа приглашают, – вмешалась хозяйка.

Худые, слабые члены музыканта вдруг пришли в усиленное движение, и он, подмигивая, улыбаясь и подергиваясь, тяжело, неловко пошел прыгать по зале. В

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

середине кадрили веселый офицер, танцовавший очень красиво и одушевленно, нечаянно толкнул спиной музыканта. Слабые, усталые ноги не удержали равновесия, и музыкант, сделав несколько подкашивающихся шагов в сторону, со всего роста упал на пол. Несмотря на резкий, сухой звук, произведенный падением, почти все засмеялись в первую минуту.

Но музыкант не вставал. Гости замолчали, даже фортепьяно перестало играть, и Делесов с хозяйкой первые подбежали к упавшему. Он лежал на локте и тускло смотрел в землю. Когда его подняли и посадили на стул, он откинул быстрым движением костлявой руки волосы со лба и стал улыбаться, ничего не отвечая на вопросы.

– Господин Альберт! господин Альберт! – говорила хозяйка, – что, ушиблись? где? Вот я говорила, что не надо было танцовать. Он такой слабый! – продолжала она, обращаясь к гостям, – насилу ходит, где ему!

– Кто он такой? – спрашивали хозяйку.

– Бедный человек, артист. Очень хороший малый, только жалкий, как видите.

Она говорила это, не стесняясь присутствием музыканта. Музыкант очнулся и, как будто испугавшись чего-то, съехался и оттолкнул окружающих его.

– Это всё ничего, – вдруг сказал он, с видимым усилием привставая со стула.

И, чтобы доказать, что ему нисколько не больно, вышел на середину комнаты и хотел припрыгнуть, но пошатнулся и опять бы упал, ежели бы его не поддержали.

Всем сделалось неловко; глядя на него, все молчали.

Взгляд музыканта снова потух, и он, видимо забыв о всех, потирал рукою колено. Вдруг он поднял голову, выставил вперед дрожащую ногу, тем же, как и прежде, пошлым жестом откинул волосы и, подойдя к скрипачу, взял у него скрипку.

– Всё ничего! – повторил он еще раз, взмахнув скрипкой. – Господа, будем музицировать.

– Что за странное лицо! – говорили между собой гости.

– Может быть, большой талант погибает в этом несчастном существе! – сказал один из гостей.

– Да, жалкий, жалкий! – говорил другой.

– Какое лицо прекрасное!.. В нем есть что-то необыкновенное, – говорил Делесов: – вот посмотрим.....

II.

Альберт в это время, не обращая ни на кого внимания, прижав скрипку к плечу, медленно ходил вдоль фортепьяно и настроивал ее. Губы его сложились в бесстрастное выражение, глаз не было видно; но узкая костлявая спина, длинная белая шея, кривые ноги и косматая черная голова представляли чудное, но почему-то вовсе не смешное зрелище. Настроив скрипку, он бойко взял аккорд и, вскинув голову, обратился к пьянисту, приготовившемуся аккомпанировать.

– «Melancholie G-dur»1 – сказал он, с повелительным жестом обращаясь к пьянисту.

И вслед за тем, как бы прося прощения за повелительный жест, кротко улыбнулся и с этой улыбкой оглянул публику. Вскинув волосы рукой, которой он держал смычок, Альберт остановился перед углом фортепьяно и плавным движением смычка провел по струнам. В комнате пронесся чистый, стройный звук, и сделалось совершенное молчание.

Звуки темы свободно, изящно полились вслед за первым, каким-то неожиданно-ясным и успокоительным светом вдруг озаряя внутренний мир каждого слушателя. Ни один ложный или неумеренный звук не нарушил покорности внимающих, все звуки были ясны, изящны и значительны. Все молча, с трепетом надежды, следили за развитием их. Из состояния скуки, шумного рассеяния и душевного сна, в котором находились

эти люди, они вдруг незаметно перенесены были в совершенно другой, забытый ими мир. То в душе их возникало чувство тихого созерцания прошедшего, то страстного воспоминания чего-то счастливого, то безграничной потребности власти и блеска, то чувства покорности, неудовлетворенной любви и грусти. То грустно-нежные, то порывисто-отчаянные звуки, свободно перемешиваясь между собой, лились и лились друг за другом так изящно, так сильно и так бессознательно, что не звуки слышны были, а сам собой лился в душу каждого какой-то прекрасный поток давно знакомой, но в первый раз высказанной поэзии. Альберт с каждой нотой выростал выше и выше. Он далеко не был уродлив или странен. Прижав подбородком скрипку и с выражением страстного внимания прислушиваясь к своим звукам, он судорожно передвигал ногами. То он выпрямлялся во весь рост, то старательно сгибал спину. Левая напряженно-согнутая рука, казалось, замерла в своем положении и только судорожно перебирала костлявыми пальцами; правая двигалась плавно, изящно, незаметно. Лицо сияло непрерывной, восторженной радостью; глаза горели светлым сухим блеском, ноздри раздувались, красные губы раскрывались от наслаждения.

Иногда голова ближе наклонялась к скрипке, глаза закрывались, и полузакрытое волосами лицо освещалось улыбкой кроткого блаженства. Иногда он быстро выпрямлялся, выставлял ногу; и чистый лоб, и блестящий взгляд, которым он окидывал комнату, сияли гордостью, величием, сознанием власти. Один раз пьянист ошибся и взял неверный аккорд. Физическое страдание выразилось во всей фигуре и лице музыканта. Он остановился на секунду и, с выражением детской злобы топая ногами, закричал: «то! с-то!»² Пьянист поправился, Альберт закрыл глаза, улыбнулся и, снова забыв себя, других и весь мир, с блаженством отдался своему делу.

Все находившиеся в комнате во время игры Альберта хранили покорное молчание и, казалось, жили и дышали только его звуками.

Веселый офицер неподвижно сидел на стуле у окна, устремив на пол безжизненный взгляд, и тяжело и редко переводил дыхание. Девицы в совершенном молчании сидели по стенам и только изредка с одобрением, доходящим до недоумения, переглядывались между собою. Толстое, улыбающееся лицо хозяйки расплывалось от наслаждения. Пьянист впивался глазами в лицо Альберта и со страхом ошибиться, выражавшимся во всей его вытягивавшейся фигуре, старался следить за ним. Один из гостей, выпивший больше других, ничком лежал на диване и старался не двигаться, чтобы не выдать своего волнения. Делесов испытывал непривычное чувство. Какой-то холодный круг, то суживаясь, то расширяясь, сжимал его голову. Корни волос становились чувствительны, мороз пробегал вверх по спине, что-то, всё выше и выше подступая к горлу, как тоненькими иголками колело в носу и нёбе, и слезы незаметно мочили ему щеки. Он встряхивался, старался незаметно втягивать их назад и отирать, но новые выступали опять и текли по его лицу. По какому-то странному сцеплению впечатлений, первые звуки скрипки Альберта перенесли Делесова к его первой молодости. Он – не молодой, усталый от жизни, изнуренный человек, вдруг почувствовал себя семнадцатилетним, самодовольно-красивым, блаженно-глупым и бессознательно-счастливым существом. Ему вспомнилась первая любовь к кузине в розовом платице, вспомнилось первое признание в липовой аллее, вспомнился жар и непонятная прелесть случайного поцелуя, вспомнилось волшебство и неразгаданная таинственность тогда окружавшей природы. В его возвратившемся назад воображении блистала она в тумане неопределенных надежд, непонятных желаний и несомненной веры в возможность невозможного счастья. Все не оцененные минуты того времени, одна за другою, восставали перед ним, но не как незначущие мгновения бегущего настоящего, а как остановившиеся, разрастающиеся и укоряющие образы прошедшего. Он с наслаждением созерцал их и плакал, – плакал не оттого, что прошло то время, которое он мог употребить лучше (ежели бы ему дали назад это время, он не брался употребить его лучше), но он плакал оттого только, что прошло это время и никогда не воротится. Воспоминания возникали сами собою, а скрипка Альберта говорила одно и одно. Она говорила: «прошло для тебя, навсегда прошло время силы, любви и счастья, прошло и никогда не воротится. Плачь о нем, выплачь все слезы, умри в слезах об этом времени, – это одно лучшее счастье, которое осталось у тебя».

К концу последней варьации лицо Альберта сделалось красно, глаза горели, не потухая, крупные капли пота струились по щекам. На лбу надулись жилы, всё тело больше и больше приходило в движение, побледневшие губы уже не закрывались, и вся фигура выражала восторженную жадность наслаждения.

Отчаянно размахнувшись всем телом и встряхнув волосами, он опустил скрипку и с

улыбкой гордого величия и счастья оглянул присутствующих. Потом спина его согнулась, голова опустилась, губы сложились, глаза потухли, и он, как бы стыдясь себя, робко оглядываясь и путаясь ногами, прошел в другую комнату.

III.

Что-то странное произошло со всеми присутствующими, и что-то странное чувствовалось в мертвом молчании, следовавшем за игрой Альберта. Как будто каждый хотел и не умел высказать того, что всё это значило. Что такое значит – светлая и жаркая комната, блестящие женщины, заря в окнах, взволнованная кровь и чистое впечатление пролетевших звуков? Но никто и не попытался сказать того, что это значит; напротив, почти все, чувствуя себя не в силах перейти вполне на сторону того, что открыло им новое впечатление, возмутились против него.

– А ведь он точно хорошо играет, – сказал офицер.

– Удивительно! – отвечал, украдкой рукавом отирая щеки, Делесов.

– Однако пора ехать, господа, – сказал, оправившись несколько, тот, который лежал на диване. – Надо будет дать ему что-нибудь, господа. Давайте складчину.

Альберт сидел в это время один в другой комнате на диване. Облокотившись локтями на костлявые колени, он потными, грязными руками гладил себе лицо, взбивал волосы и сам с собою счастливо улыбался.

Складчину сделали богатую, и Делесов взялся передать ее.

Кроме того, Делесову, на которого музыка произвела такое сильное и непривычное впечатление, пришла мысль сделать добро этому человеку. Ему пришло в голову взять его к себе, одеть, пристроить к какому-нибудь месту – вообще вырвать из этого грязного положения.

– Что, вы устали? – спросил Делесов, подходя к нему.

Альберт улыбался.

– У вас действительный талант; вам надо бы серьезно заниматься музыкой, играть в публике.

– Я бы выпил чего-нибудь, – сказал Альберт, как будто проснувшись.

Делесов принес вина, и музыкант с жадностью выпил два стакана.

– Какое славное вино! – сказал он.

– Меланхолия, какая прелестная вещь! – сказал Делесов.

– О! да, да, – отвечал, улыбаясь, Альберт, – но извините меня, я не знаю, с кем имею честь говорить; может быть, вы граф или князь: не можете ли вы мне ссудить немного денег? – Он помолчал немного. – Я ничего не имею... я бедный человек. Я не могу отдать вам.

Делесов покраснел, ему неловко стало, и он торопливо передал музыканту собранные деньги.

– Очень благодарю вас, – сказал Альберт, схватив деньги: – теперь давайте музицировать; я, сколько хотите, буду играть вам. Только выпить бы чего-нибудь, выпить, – прибавил он, вставая.

Делесов принес ему еще вина и попросил сесть подле себя.

– Извините меня, ежели я буду откровенен с вами, – сказал Делесов: – ваш талант так заинтересовал меня. Мне кажется, что вы не в хорошем положении?

Альберт поглядывал то на Делесова, то на хозяйку, которая вошла в комнату.

– Позвольте мне вам предложить свои услуги, – продолжал Делесов. – Ежели вы в чем-нибудь нуждаетесь, то я бы очень рад был, ежели бы вы на время поселились у меня. Я живу один и, может быть, я был бы вам полезен.

Альберт улыбнулся и ничего не отвечал.

– Что же вы не благодарите, – сказала хозяйка. – Разумеется, для вас это благодеяние. Только я бы вам не советовала, – продолжала она, обращаясь к Делесову и отрицательно качая головой.

– Очень вам благодарен, – сказал Альберт, мокрыми руками пожимая руку Делесова: – только теперь давайте музицировать, пожалуйста.

Но остальные гости уже собрались ехать и, как их ни уговаривал Альберт, вышли в переднюю.

Альберт простился с хозяйкой и, надев истертую шляпу о широкими полями и летнюю старую альмавиву, составлявшие всю его зимнюю одежду, вместе с Делесовым вышел на крыльцо.

Когда Делесов сел с своим новым знакомцем в карету и почувствовал тот неприятный запах пьяницы и нечистоты, которым был пропитан музыкант, он стал раскаиваться в своем поступке и обвинять себя в ребяческой мягкости сердца и нерассудительности. Притом всё, что говорил Альберт, было так глупо и пошло, и он так вдруг грязно опьянел на воздухе, что Делесову сделалось гадко. «Что я с ним буду делать?» подумал он.

Проехав с четверть часа, Альберт замолк, шляпа с него свалилась в ноги, он сам повалился в угол кареты и захрапел. Колеса равномерно скрипели по морозному снегу; слабый свет зари едва проникал сквозь замерзшие окна.

Делесов оглянулся на своего соседа. Длинное тело, прикрытое плащом, безжизненно лежало подле него. Делесову казалось, что длинная голова с большим темным носом качалась на этом туловище; но, взглядевшись ближе, он увидел, что то, что он принимал за нос и лицо, были волоса, а что настоящее лицо было ниже. Он нагнулся и разобрал черты лица Альберта. Тогда красота лба и спокойно сложенного рта снова поразили его.

Под влиянием усталости нерв, раздражающего бессонного часа утра и слышанной музыки Делесов, глядя на это лицо, снова перенесся в тот блаженный мир, в который он заглянул нынче ночью; снова ему вспомнилось счастливое и великодушное время молодости, и он перестал раскаиваться в своем поступке. Он в эту минуту искренно, горячо любил Альберта и твердо решился сделать добро ему.

IV.

На другой день утром, когда его разбудили, чтобы итти на службу, Делесов с неприятным удивлением увидел вокруг себя свои старые ширмы, своего старого человека и часы на столике. «Так что же бы я хотел видеть, как не то, что всегда окружает меня?» спросил он сам себя. Тут ему вспомнились черные глаза и счастливая улыбка музыканта; мотив «Меланхолии» и вся странная вчерашняя ночь пронеслись в его воображении.

Ему некогда было, однако, размышлять о том, хорошо или дурно он поступил, взяв к себе музыканта. Одеваясь, он мысленно распределил свой день: взял бумаги, отдал необходимые приказания дома и торопясь надел шинель и калоши. Проходя мимо столовой, он заглянул в дверь. Альберт, уткнув лицо в подушку и раскидавшись, в грязной, изорванной рубахе, мертвым сном спал на сафьянном диване, куда его бесчувственного положили вчера вечером. Что-то не хорошо, невольно казалось Делесову.

– Сходи, пожалуйста, от меня к Борюзовскому, попроси скрипку дня на два для них, – сказал он своему человеку, – да когда они проснутся, напой их кофеем и дай надеть из моего белья и старого платья что-нибудь. Вообще удовлетвори его хорошенько. Пожалуйста.

Возвратившись домой поздно вечером, Делесов, к удивлению своему, не нашел Альберта.

– Где же он? – спросил он у человека.

– Тотчас после обеда ушли, – отвечал слуга: – взяли скрипку и ушли, обещались

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
притти через час, да вот до сей поры нету.

– Та! та! досадно, – проговорил Делесов. – Как же ты егопустил, Захар?

Захар был петербургский лакей, уже восемь лет служивший у Делесова. Делесов, как одинокий холостяк, невольно поверял ему свои намерения и любил знать его мнение насчет каждого из своих предприятий.

– Как же я смел его не пустить, – отвечал Захар, играя печаткой своих часов. – Ежели бы вы мне сказали, Дмитрий Иванович, чтобы его удерживать, я бы дома мог занять. Но вы только насчет платья сказали.

– Та! досадно! Ну, а что он тут делал без меня?

Захар усмехнулся.

– Уж точно, можно назвать артистом, Дмитрий Иванович. Как проснулись, так попросили мадеры, потом с кухаркой и с соседским человеком всё занимались. Смешные такие... Однако характера очень хорошего. Я им чаю дал, обедать принес, ничего не хотели одни есть, всё меня приглашали. А уж на скрипке как играют, так это точно, что таких артистов у Излера мало. Такого человека можно держать. Как он «Вниз по матушке по Волге» нам сыграл, так точно, как человек плачет. Слишком хорошо! Даже со всех этажей пришли люди к нам в сени слушать.

– Ну, а одел ты его? – перебил барин.

– Как же–с; я ему вашу ночную рубашку дал и свое пальто ему надел. Этому человеку можно помогать, точно, милый человек. – Захар улыбнулся. – Всё спрашивали меня, какого вы чина, имеете ли знакомства значительные? и сколько у вас душ крестьян?

– Ну, хорошо, только надо будет его найти теперь и вперед ему ничего не давать пить, а то ему еще хуже сделаешь.

– Это правда, – перебил Захар: – он, видно, слаб здоровьем, у нас такой же у барина был приказчик....

Делесов, уже давно знавший историю пившего запоем приказчика, не дал ее докончить Захару и, велев приготовить себе всё для ночи, послал его отыскать и привести Альберта.

Он лег в постель, потушил свечу, но долго не мог заснуть, всё думал об Альберте. «Хоть это всё странным может показаться многим из моих знакомых, – думал Делесов, – но ведь так редко делаешь что–нибудь не для себя, что надо благодарить Бога, когда представляется такой случай, и я не упущу его. Всё сделаю, решительно всё сделаю, что могу, чтобы помочь ему. Может быть, он и вовсе не сумасшедший, а только спился. Стоить это мне будет совсем не дорого: где один, там и двое сыты будут. Пускай поживет сначала у меня, а потом устроим ему место или концерт, стащим его с мели, а там видно будет.»

Приятное чувство самодовольствия овладело им после такого рассуждения.

«Право, я не совсем дурной человек; даже совсем недурной человек, – подумал он. – Даже очень хороший человек, как сравню себя с другими...»

Он уже засыпал, когда звуки отворяемых дверей и шагов в передней развлекли его.

«Ну, обращусь с ним построже, – подумал он: – это лучше; и я должен это сделать.»

Он позвонил.

– Что, привел? – спросил он у вошедшего Захара.

– Жалкой человек, Дмитрий Иванович, – сказал Захар, значительно покачав головой и закрыв глаза.

– Что, пьян?

- Очень слаб.
- А скрипка с ним?
- Принес, хозяйка отдала.
- Ну, пожалуйста не пускай его теперь ко мне, уложи спать и завтра отнюдь не выпускай из дома.

Но еще Захар не успел выйти, как в комнату вошел Альберт.

V.

– Вы уж спать хотите? – сказал Альберт, улыбаясь. – А я был там, у Анны Ивановны. Очень приятно провел вечер: музицировали, смеялись, приятное общество было. Позвольте мне выпить стакан чего-нибудь, – прибавил он, взявшись за графин с водой, стоявший на столике, – только не воды.

Альберт был такой же, как и вчера: та же красивая улыбка глаз и губ, тот же светлый, вдохновенный лоб и слабые члены. Пальто Захара пришлось ему как раз впору, и чистый, длинный, некрахмаленный воротник ночной рубашки живописно откидывался вокруг его тонкой белой шеи, придавая ему что-то особенно детское и невинное. Он присел на постель Делесова и молча, радостно и благодарно улыбаясь, посмотрел на него. Делесов посмотрел в глаза Альберта и вдруг снова почувствовал себя во власти его улыбки. Ему перестало хотеться спать, он забыл о своей обязанности быть строгим, ему захотелось, напротив, веселиться, слушать музыку и хоть до утра дружески болтать с Альбертом. Делесов велел Захару принести бутылку вина, папирос и скрипку.

– Вот это отлично, – сказал Альберт: – еще рано, будем музицировать, я вам буду играть, сколько хотите.

Захар с видимым удовольствием принес бутылку лафиту, два стакана, слабых папирос, которые курил Альберт, и скрипку. Но вместо того, чтобы ложиться спать, как ему приказал барин, сам, закурив сигару, сел в соседнюю комнату.

– Поговоримте лучше, – сказал Делесов музыканту, взявшемуся было за скрипку.

Альберт покорно сел на постель и снова радостно улыбнулся.

– Ах да, – сказал он, вдруг стукнув себя рукой по лбу и приняв озабоченно-любопытное выражение. (Выражение лица его всегда предшествовало тому, что он хотел говорить.) – Позвольте спросить... – он приостановился немного: – этот господин, который был с вами там, вчера вечером... вы его называли N, он не сын знаменитого N?

– Родной сын, – отвечал Делесов, никак не понимая, почему это могло быть интересно Альберту.

– То-то, – самодовольно улыбаясь, сказал он: – я сейчас заметил в его манерах что-то особенно аристократическое. Я люблю аристократов: что-то прекрасное и изящное видно в аристократе. А этот офицер, который так прекрасно танцует, – спросил он, – он мне тоже очень понравился, такой веселый и благородный. Он адъютант NN, кажется?

– Который? – спросил Делесов.

– Тот, который столкнулся со мной, когда мы танцевали. Он славный должен быть человек.

– Нет, он пустой малый, – отвечал Делесов.

– Ах, нет! – горячо заступился Альберт: – в нем что-то есть очень, очень приятное. И он славный музыкант, – прибавил Альберт: – он играл там из оперы что-то. Давно мне никто так не нравился.

– Да, он хорошо играет, но я не люблю его игры, – сказал Делесов, желая навести своего собеседника на разговор о музыке: – он классической музыки не понимает; а

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
ведь Донизетти и Беллини – ведь это не музыка. Вы, верно, этого же мнения?

– О нет, нет, извините меня, – заговорил Альберт с мягким заступническим выражением: – старая музыка – музыка, и новая музыка – музыка. И в новой есть красоты необыкновенные: а Соннамбула?! а финал Лючии?! а Chopin?! а Роберт?! я часто думаю... – он приостановился, видимо собирая мысли, – что ежели бы Бетховен был жив, ведь он бы плакал от радости, слушая Соннамбулу. Везде есть прекрасное. Я слышал в первый раз Соннамбулу, когда здесь были Виардо и Рубини, – это было вот что, – сказал он, блистая глазами и делая жест обеими руками, как будто вырывая что-то из своей груди. – Еще бы немного, то это невозможно бы было вынести.

– Ну, а теперь как вы находите оперу? – спросил Делесов.

– Бозио хороша, очень хороша, – отвечал он, – изящна необыкновенно, но тут не трогает, – сказал он, указывая на ввалившуюся грудь. – Для певицы нужна страсть, а у нее нет. Она радуется, но не мучает.

– Ну, а Лаблаш?

– Я его слышал еще в Париже в Севильском цирюльнике; тогда он был единствен, а теперь он стар, – он не может быть артистом, он стар.

– Что ж, что стар, всё-таки хорош в *morceaux d'ensemble*, – сказал Делесов, всегда говоривший это о Лаблаше.

– Как что же, что стар? – возразил Альберт строго. – Он не должен быть стар. Художник не должен быть стар. Много нужно для искусства, но главное – огонь! – сказал он, блистая глазами и поднимая обе руки кверху.

И действительно, страшный внутренний огонь горел во всей его фигуре.

– Ах Боже мой! – сказал он вдруг, – вы не знаете Петрова – художника?

– Нет, не знаю, – улыбаясь отвечал Делесов.

– Как бы я желал, чтобы вы с ним познакомились! Вы бы нашли удовольствие говорить с ним. Как он тоже понимает искусство! Мы с ним встречались прежде часто у Анны Ивановны, но она теперь за что-то рассердилась на него. А я очень желал бы, чтобы вы с ним познакомились. Он большой, большой талант.

– Что ж, он картины пишет? – спросил Делесов.

– Не знаю; нет, кажется, но он был художник академии. Какие у него мысли! Когда он иногда говорит, то это удивительно. О, Петров большой талант, только он ведет жизнь очень веселую. Вот жалко, – улыбаясь прибавил Альберт. Вслед затем он встал с постели, взял скрипку и начал строить.

– Что, вы давно не были в опере? – спросил его Делесов.

Альберт оглянулся и вздохнул.

– Ах, я уж не могу, – сказал он, схватившись за голову. Он снова подсел к Делесову. – Я вам скажу, – проговорил он почти шопотом: – я не могу туда ходить, я не могу там играть, у меня ничего нет, ничего платья нет, квартиры нет, скрипки нет. Скверная жизнь! скверная жизнь! – повторял он несколько раз. – Да и зачем мне туда ходить? Зачем это? не надо, – сказал он, улыбаясь. – Ах, «Дон-Жуан»!

И он ударил себя по голове.

– Так поедем когда-нибудь вместе, – сказал Делесов.

Альберт, не отвечая, вскочил, схватил скрипку и начал играть финал первого акта «Дон Жуана», своими словами рассказывая содержание оперы.

У Делесова зашевелились волосы на голове, когда он играл голос умирающего командора.

– Нет, не могу играть нынче, – сказал он, кладя скрипку: – я много пил.

Но вслед затем он подошел к столу, налил себе полный стакан вина, залпом выпил и сел опять на кровать к Делесову.

Делесов, не спуская глаз, смотрел на Альберта; Альберт изредка улыбался, и Делесов улыбался тоже. Они оба молчали; но между ними взглядом и улыбкой ближе и ближе устанавливались любовные отношения. Делесов чувствовал, что он всё больше и больше любит этого человека, и испытывал непонятную радость.

– Вы были влюблены? – вдруг спросил он.

Альберт задумался на несколько секунд, потом лицо его озарилось грустной улыбкой. Он нагнулся к Делесову и внимательно посмотрел ему в самые глаза.

– Зачем вы это спросили у меня? – проговорил он шопотом. – Но я вам всё расскажу, вы мне понравились, – продолжал он, посмотрев немного и оглянувшись. – Я не буду вас обманывать, я вам расскажу всё, как было, сначала. – Он остановился, и глаза его странно, дико остановились. – Вы знаете, что я слаб рассудком, – сказал он вдруг. – Да, да, – продолжал он, – Анна Ивановна вам, верно, рассказывала. Она всем говорит, что я сумасшедший! Это неправда, она из шутки говорит это, она добрая женщина, а я точно не совершенно здоров стал с некоторого времени.

Альберт опять замолчал и остановившимися, широко открытыми глазами посмотрел в темную дверь.

– Вы спрашивали, был ли я влюблен? Да, я был влюблен, – прошептал он, поднимая брови. – Это случилось давно, еще в то время, когда я был при месте в театре. Я ходил играть вторую скрипку в опере, а она ездила в литерный бенуар с левой стороны.

Альберт встал и перегнулся на ухо Делесову.

– Нет, зачем называть ее, – сказал он. – Вы, верно, знаете ее, все знают ее. Я молчал и только смотрел на нее; я знал, что я бедный артист, а она аристократическая дама. Я очень знал это. Я только смотрел на нее и ничего не думал.

Альберт задумался припоминая.

– Как это случилось, я не помню; но меня позвали один раз аккомпанировать ей на скрипке. Ну что я, бедный артист! – сказал он, покачивая головой и улыбаясь. – Но нет, я не умею рассказывать, не умею... – прибавил он, схватившись за голову. – Как я был счастлив!

– Что же, вы часто были у нее? – спросил Делесов.

– Один раз, один раз только... но я сам виноват был, я с ума сошел. Я бедный артист, а она аристократическая дама. Я не должен был ничего говорить ей. Но я сошел с ума, я сделал глупости. С тех пор для меня всё кончилось. Петров правду сказал мне: лучше бы было видеть ее только в театре...

– Что же вы сделали? – спросил Делесов.

– Ах, постойте, постойте, я не могу рассказывать этого.

И, закрыв лицо руками, он помолчал несколько времени.

– Я пришел в оркестр поздно. Мы пили с Петровым этот вечер, и я был расстроен. Она сидела в своей ложе и говорила с генералом. Я не знаю, кто был этот генерал. Она сидела у самого края, положила руки на рампу; на ней было белое платье и перлы на шее. Она говорила с ним и смотрела на меня. Два раза она посмотрела на меня. Прическа у ней была вот так; я не играл, а стоял подле баса и смотрел. Тут в первый раз со мной сделалось странно. Она улыбнулась генералу и посмотрела на меня. Я чувствовал, что она говорит обо мне, и вдруг я увидел, что я не в оркестре, а в ложе стою с ней и держу ее за руку за это место. Что это такое? –

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
спросил Альберт, помолчав.

– Это живость воображения, – сказал Делесов.

– Нет, нет... да я не умею рассказывать, – сморщившись отвечал Альберт. – Я уже и тогда был беден, квартиры у меня не было, и, когда ходил в театр, иногда оставался ночевать там.

– Как? в театре? в темной пустой зале?

– Ах! я не боюсь этих глупостей. Ах, постойте. Как только все уходили, я шел к тому бенуару, где она сидела, и спал. Это была одна моя радость. Какие ночи я проводил там! Только один раз опять началось со мной. Мне ночью стало представляться много, но я не могу рассказать вам много. – Альберт, опустив зрачки, смотрел на Делесова. – Что это такое? – спросил он.

– Странно! – сказал Делесов.

– Нет, постойте, постойте! – Он на ухо шопотом продолжал. – Я целовал ее руку, плакал тут подле нее, я много говорил с ней. Я слышал запах ее духов, слышал ее голос. Она много сказала мне в одну ночь. Потом я взял скрипку и потихоньку стал играть. И я отлично играл. Но мне стало страшно. Я не боюсь этих глупостей и не верю; но мне стало страшно за свою голову, – сказал он, любезно улыбаясь и дотрогиваясь рукою до лба, – за свой бедный ум мне стало страшно, мне казалось, что-то сделалось у меня в голове. Может быть, это и ничего? Как вы думаете?

Оба помолчали несколько минут.

Und wenn die wolken sie verhüllen,
Die Sonne bleibt doch ewig klar,⁴
пропел Альберт, тихо улыбаясь. – Не правда ли? – прибавил он.

Ich auch habe gelebt und genossen.⁵
– Ах! старик Петров как бы всё это растолковал вам.

Делесов молча, с ужасом смотрел на взволнованное и побледневшее лицо своего собеседника.

– Вы знаете «Юристен-вальцер»? – вдруг вскричал Альберт и, не дождавшись ответа, вскочил, схватил скрипку и начал играть веселый вальс. Совершенно забывшись и, видимо, полагая, что целый оркестр играет за ним, Альберт улыбался, раскачивался, передвигал ногами и играл превосходно.

– Э, будет веселиться! – сказал он, кончив и размахнув скрипкой.

– Я пойду, – сказал он, молча посидев немного, – а вы не пойдете?

– Куда? – с удивлением спросил Делесов.

– Пойдем опять к Анне Ивановне; там весело: шум, народ, музыка.

Делесов в первую минуту чуть было не согласился. Однако опомнившись, он стал уговаривать Альберта не ходить нынче.

– Я бы на минуту.

– Право не ходите.

Альберт вздохнул и положил скрипку.

– Так остаться?

Он посмотрел еще на стол (вина не было) и, пожелав покойной ночи, вышел.

Делесов позвонил.

– Смотри, не выпускай никуда господина Альберта без моего спроса, – сказал он Захару.

VI.

На другой день был праздник. Делесов проснувшись сидел у себя в гостиной за кофеом и читал книгу. Альберт в соседней комнате еще не шевелился.

Захар осторожно отворил дверь и посмотрел в столовую.

– Верите ль, Дмитрий Иванович, так на голом диване и спит! Ничего не хотел подостлать, ей Богу. Как дитя малое. Право, артист.

В двенадцатом часу за дверью послышалось кряхтенье и кашель.

Захар снова пришел в столовую; и барин слышал ласковый голос Захара и слабый просящий голос Альберта.

– Ну, что? – спросил барин у Захара, когда он вышел.

– Скучает, Дмитрий Иванович; умыться не хочет, пасмурный такой. Всё просит выпить.

– Нет, уж если взялся, надо выдержать характер, – сказал себе Делесов.

И, не приказав давать вина, снова принялся за свою книгу, невольно, однако, прислушиваясь к тому, что происходило в столовой. Там ничего не двигалось, только изредка слышался грудной тяжелый кашель и плеванье. Прошло часа два. Делесов, одевшись, перед тем как выйти со двора, решился заглянуть к своему сожителю. Альберт неподвижно сидел у окна, опустив голову на руки. Он оглянулся. Лицо его было желто, сморщено и не только грустно, но глубоко несчастно. Он попробовал улыбнуться в виде приветствия, но лицо его приняло еще более горестное выражение. Казалось, он готов был заплакать. Он с трудом встал и поклонился.

– Если бы можно рюмочку простой водки, – сказал он с просящим выражением: – я так слаб.. пожалуйста!

– Кофей вас лучше подкрепит. Я бы вам советовал.

Лицо Альберта вдруг потеряло детское выражение; он холодно, тускло посмотрел в окно и слабо опустился на стул.

– Или позавтракать не хотите ли?

– Нет, благодарю, не имею аппетита.

– Если вам захочется играть на скрипке, то вы мне не будете мешать, – сказал Делесов, кладя скрипку на стол.

Альберт с презрительной улыбкой посмотрел на скрипку.

– Нет; я слишком слаб, я не могу играть, – сказал он и отодвинул от себя инструмент.

После этого, что ни говорил Делесов, предлагая ему и пройтись, и вечером ехать в театр, он только покорно кланялся и упорно молчал. Делесов уехал со двора, сделал несколько визитов, обедал в гостях и перед театром заехал домой переодеться и узнать, что делает музыкант. Альберт сидел в темной передней и, облокотив голову на руки, смотрел в топившуюся печь. Он был одет опрятно, вымыт и причесан; но глаза его были тусклы, мертвы, и во всей фигуре выражалась слабость и изнурение, еще большие, чем утром.

– Что, вы обедали, господин Альберт? – спросил Делесов.

Альберт сделал утвердительный знак головой и, взглянув в лицо Делесова, испуганно опустил глаза.

Делесову сделалось неловко.

– Я говорил нынче о вас директору, – сказал он, тоже опуская глаза. – Он очень

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
рад принять вас, если вы позволите себя послушать.

– Благодарю, я не могу играть, – проговорил себе под нос Альберт и прошел в свою комнату, особенно тихо затворив за собою дверь.

Через несколько минут замочная ручка так же тихо повернулась, и он вышел из своей комнаты со скрипкой. Злобно и бегло взглянув на Делесова, он положил скрипку на стул и снова скрылся.

Делесов пожал плечами и улыбнулся.

«Что ж мне еще делать? в чем я виноват?» подумал он.

– Ну, что музыкант? – был первый вопрос его, когда он поздно воротился домой.

– Плох! – коротко и звучно отвечал Захар. – Всё вздыхает, кашляет и ничего не говорит, только раз пять принимался просить водки. Уж я ему дал одну. А то как бы нам его не загубить так, Дмитрий Иванович. Так-то приказчик...

– А на скрипке не играет?

– Не дотрогивается даже. Я тоже к нему ее приносил раза два, – так возьмет ее потихоньку и вынесет, – отвечал Захар с улыбкой. – Так пить не прикажете давать?

– Нет, еще подождем день, посмотрим, что будет. А теперь он что?

– Заперся в гостиной.

Делесов прошел в кабинет, отобрал несколько французских книг и немецкое евангелие.

– Положи это завтра ему в комнату, да смотри, не выпускай, – сказал он Захару.

На другое утро Захар донес барину, что музыкант не спал целую ночь: всё ходил по комнатам и приходил в буфет, пытаясь отворить шкаф и дверь, но что всё, по его старанию, было заперто. Захар рассказывал, что, притворившись спящим, он слышал, как Альберт в темноте сам с собой бормотал что-то и размахивал руками.

Альберт с каждым днем становился мрачнее и молчаливее. Делесова он, казалось, боялся, и в лице его выражался болезненный испуг, когда глаза их встречались. Он не брал в руки ни книг, ни скрипки и не отвечал на вопросы, которые ему делали.

На третий день пребывания у него музыканта Делесов приехал домой поздно вечером, усталый и расстроенный. Он целый день ездил, хлопотал по делу, казавшемуся очень простым и легким, и, как это часто бывает, решительно ни шагу не сделал вперед, несмотря на усиленное старание. Кроме того, заехав в клуб, он проиграл в вист. Он был не в духе.

– Ну, Бог с ним совсем! – отвечал он Захару, который объяснил ему печальное положение Альберта. – Завтра добыю от него решительно: хочет ли он или нет оставаться у меня и следовать моим советам? Нет – так и не надо. Кажется, что я сделал всё, что мог.

«Вот делай добро людям! – думал он сам с собой. – Я для него стесняюсь, держу у себя в доме это грязное существо, так что утром принять не могу незнакомого человека, хлопочу, бегаю, а он на меня смотрит, как на какого-то злодея, который из своего удовольствия запер его в клетку. А главное – сам для себя и шагу не хочет сделать. Так они и все (это «все» относилось вообще к людям и особенно к тем, до которых у него нынче было дело). И что с ним делается теперь? О чем он думает и грустит? Грустит о разврате, из которого я его вырвал? Об унижении, в котором он был? О нищете, от которой я его спас? Видно, уж он так упал, что тяжело ему смотреть на честную жизнь...»

«Нет, это был детский поступок, – решил сам с собою Делесов. – Куда мне браться других исправлять, когда только дай Бог с самим собою сладить». Он хотел было сейчас отпустить его, но, подумав немного, отложил до завтра.

Ночью Делесова разбудил стук упавшего стола в передней и звук голосов и топота.

Он зажег свечу и с удивлением стал прислушиваться...

– Погодите, я Дмитрию Ивановичу скажу, – говорил Захар; голос Альберта бормотал что-то горячо и несвязно. Делесов вскочил и со свечою выбежал в переднюю. Захар в ночном костюме стоял против двери, Альберт в шляпе и альмавиве отталкивал его от двери и слезливым голосом кричал на него.

– Вы не можете не пустить меня! У меня паспорт, я ничего не унес у вас! Можете обыскать меня! Я к полицмейстеру пойду!

– Позвольте, Дмитрий Иванович! – обратился Захар к барину, продолжая спиной защищать дверь. – Они ночью встали, нашли ключ в моем пальто и выпили целый графин сладкой водки. Это разве хорошо? А теперь уйти хотят. Вы не приказали, потому я и не могу пустить их.

Альберт, увидав Делесова, еще горячее стал приступать к Захару.

– Не может меня никто держать! не имеет права! – кричал он, всё больше и больше возвышая голос.

– Отойди, Захар, – сказал Делесов. – Я вас держать не хочу и не могу, но я советовал бы вам остаться до завтра, – обратился он к Альберту.

– Никто меня держать не может! Я к полицмейстеру пойду! – всё сильнее и сильнее кричал Альберт, обращаясь только к Захару и не глядя на Делесова. – Караул! – вдруг завопил он неистовым голосом.

– Да что же вы кричите так-то? ведь вас не держат, – сказал Захар, отворяя дверь.

Альберт перестал кричать. «Не удалось? Хотели уморить меня. Нет!» бормотал он про себя, надевая калоши. Не простившись и продолжая говорить что-то непонятное, он вышел в дверь. Захар посветил ему до ворот и вернулся.

– И слава Богу, Дмитрий Иванович! А то долго ли до греха, – сказал он барину, – и теперь серебро поверить надо.

Делесов только покачал головой и ничего не отвечал. Ему живо вспомнились теперь два первые вечера, которые он провел с музыкантом, вспомнились печальные дни, которые по его вине провел здесь Альберт, и главное он вспомнил то сладкое смешанное чувство удивления, любви и сострадания, которое возбудил в нем с первого взгляда этот странный человек, и ему стало жалко его. «И что-то с ним будет теперь? – подумал он. – Без денег, без теплого платья, один посреди ночи...» Он хотел было уже послать за ним Захара, но было поздно.

– А холодно на дворе? – спросил Делесов.

– Мороз здоровый, Дмитрий Иванович, – отвечал Захар. – Я забыл вам доложить, до весны еще дров купить придется.

– А как же ты говорил, что останутся?

VII.

На дворе действительно было холодно, но Альберт не чувствовал холода, – так он был разгорячен выпитым вином и спором.

Выйдя на улицу, он оглянулся и радостно потер руки. На улице было пусто, но длинный ряд фонарей еще светил красными огнями, на небе было ясно и звездно. «Что?» сказал он, обращаясь к светившемуся окну в квартире Делесова, и, засунув руки под пальто в карманы панталон и перегнувшись вперед, Альберт тяжелыми и неверными шагами пошел направо по улице. Он чувствовал в ногах и желудке чрезвычайную тяжесть, в голове его что-то шумело, какая-то невидимая сила бросала его из стороны в сторону, но он всё шел вперед по направлению к квартире Анны Ивановны. В голове его бродили странные, несвязные мысли. То он вспоминал последний спор с Захаром, то почему-то море и первый свой приезд на пароходе в Россию, то счастливую ночь, проведенную с другом в лавочке, мимо которой он проходил; то вдруг знакомый мотив начинал петь в его воображении, и он вспоминал предмет своей страсти и страшную ночь в театре. Но, несмотря на несвязность, все

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

эти воспоминания с такой яркостью представлялись его воображению, что, закрыв глаза, он не знал, что было больше действительность: то, что он делал, или то, что он думал. Он не помнил и не чувствовал, как переставлялись его ноги, как, шатаясь, он толкался об стену, как он смотрел вокруг себя и как переходил с улицы на улицу. Он помнил и чувствовал только то, что, причудливо сменяясь и перепутываясь, представлялось ему.

Проходя по Малой Морской, Альберт споткнулся и упал. Очнувшись на мгновение, он увидал перед собой какое-то громадное, великолепное здание и пошел дальше. На небе не было видно ни звезд, ни зари, ни месяца, фонарей тоже не было, но все предметы обозначались ясно.

Последняя страница рукописи первой редакции „Альберта“.

Размер подлинника.

В окнах здания, возвышавшегося в конце улицы, светились огни, но огни эти колебались, как отражение. Здание всё ближе и ближе, яснее и яснее выросло перед Альбертом. Но огни исчезли, как только Альберт вошел в широкие двери. Внутри было темно. Одинокие шаги звучно раздавались под сводами, и какие-то тени, скользя, убегали при его приближении. «Зачем я пошел сюда?» подумал Альберт; но какая-то непреодолимая сила тянула его вперед к углублению огромной залы... Там стояло какое-то возвышение, и вокруг его молча стояли какие-то маленькие люди. «кто это будет говорить?» спросил Альберт. Никто не ответил, только один указал ему на возвышение. На возвышении уже стоял высокий, худой человек с щетинистыми волосами и в пестром халате. Альберт тотчас узнал своего друга Петрова. «Как странно, что он здесь!» подумал Альберт. «Нет, братья!» – говорил Петров, указывая на кого-то. – «Вы не поняли человека, жившего между вами; вы не поняли его! Он не продажный артист, не механический исполнитель, не сумасшедший, не потерянный человек. Он гений, великий музыкальный гений, погибший среди вас незамеченным и не оцененным». Альберт тотчас же понял, о ком говорил его друг; но, не желая стеснять его, из скромности опустил голову.

– «Он, как соломинка, сгорел весь от того священного огня, которому мы все служим, – продолжал голос: – но он исполнил всё то, что было вложено в него Богом; за то он и должен назваться великим человеком. Вы могли презирать его, мучить, унижать, – продолжал голос громче и громче, – а он был, есть и будет неизмеримо выше всех вас. Он счастлив, он добр. Он всех одинаково любит или презирает, что всё равно, а служит только тому, что вложено в него свыше. Он любит одно – красоту, единственно-несомненное благо в мире. Да, вот кто он такой! Ниц падайте все перед ним, на колена!» закричал он громко.

Но другой голос тихо заговорил из противоположного угла залы. «Я не хочу падать перед ним на колена, – говорил голос, в котором Альберт тотчас узнал голос Делесова. – Чем же он велик? И зачем нам кланяться перед ним? Разве он вел себя честно и справедливо? Разве он принес пользу обществу? Разве мы не знаем, как он брал взаймы деньги и не отдавал их, как он унес скрипку у своего товарища-артиста и заложил ее?.. («Боже мой! как он это всё знает!» подумал Альберт, еще ниже опуская голову.) Разве мы не знаем, как он льстил самым ничтожным людям, льстил из-за денег? – продолжал Делесов. – Не знаем, как его выгнали из театра? Как Анна Ивановна хотела в полицию послать его?» («Боже мой! это всё правда, но заступись за меня, – проговорил Альберт: – Ты один знаешь, почему я это делал».)

– «Перестаньте, стыдитесь, – заговорил опять голос Петрова. – Какое право имеете вы обвинять его? Разве вы жили его жизнью? Испытывали его восторги? («Правда, правда!» шептал Альберт.) Искусство есть высочайшее проявление могущества в человеке. Оно дается редким избранным и поднимает избранника на такую высоту, на которой голова кружится, и трудно удержаться здравым. В искусстве, как во всякой борьбе, есть герои, отдавшие все своему служению и гибнувшие, не достигнув цели».

Петров замолчал, а Альберт поднял голову и громко закричал: «Правда! правда!» Но голос его замер без звука.

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

– «Не до вас это дело, – строго обратился к нему художник Петров. – Да, унижайте, презирайте его, – продолжал он, – а из всех нас он лучший и счастливейший!»

Альберт, с блаженством в душе слушавший эти слова, не выдержал, подошел к другу и хотел поцеловать его.

– «Убирайся, я тебя не знаю, – отвечал Петров, – проходи своей дорогой, а то не дойдешь...»

– Вишь, тебя разобрало! не дойдешь, – прокричал будочник на перекрестке.

Альберт приостановился, собрал все силы и, стараясь не шататься, повернул в переулок.

До Анны Ивановны оставалось несколько шагов. Из сеней ее дома падал свет на снег двора, и у калитки стояли сани и кареты.

Хватаясь охолодевшими руками за перила, он взбежал на лестницу и позвонил.

Заспанное лицо служанки высунулось в отверстие двери и сердито взглянуло на Альберта. «Нельзя! – прокричала она: – не велено пускать», и захлопнула отверстие. На лестницу доходили звуки музыки и женских голосов. Альберт сел на пол, прислонился головой к стене и закрыл глаза. В то же мгновение толпы несвязанных, но родственных видений с новой силой обступили его, приняли в свои волны и понесли куда-то туда, в свободную и прекрасную область мечтания. «Да, он лучший и счастливейший!» невольно повторялось в его воображении. Из двери слышались звуки польки. Эти звуки говорили тоже, что он лучший и счастливейший! В ближайшей церкви слышался благовест и благовест этот говорил: да, он лучший и счастливейший. «Но пойду опять в залу, – подумал Альберт. – Петров еще много, много должен сказать мне». В зале уже никого не было, и вместо художника Петрова на возвышении стоял сам Альберт и сам играл на скрипке всё то, что прежде говорил голос. Но скрипка была странного устройства: она вся была сделана из стекла. И ее надо было обнимать обеими руками и медленно прижимать к груди, для того чтобы она издавала звуки. Звуки были такие нежные и прелестные, каких никогда не слышал Альберт. Чем крепче прижимал он к груди скрипку, тем отраднее и слаще ему становилось. Чем громче становились звуки, тем шибче разбегались тени и больше освещались стены залы прозрачным светом. Но надо было очень осторожно играть на скрипке, чтобы не раздавить ее. Альберт играл на стеклянном инструменте очень осторожно и хорошо. Он играл такие вещи, которых, он чувствовал, что никто никогда больше не услышит. Он начинал уже уставать, когда другой дальний глухой звук развлек его. Это был звук колокола, но звук этот произносил слово: «да», говорил колокол, далеко и высоко гудя где-то, «он вам жалок кажется, вы его презираете, а он лучший и счастливейший! Никто никогда больше не будет играть на этом инструменте.»

Эти знакомые слова показались внезапно так умны, так новы и справедливы Альберту, что он перестал играть и, стараясь не двигаться, поднял руки и глаза к небу. Он чувствовал себя прекрасным и счастливым. Несмотря на то, что в зале никого не было, Альберт выпрямил грудь и, гордо подняв голову, стоял на возвышении так, чтобы все могли его видеть. Вдруг чья-то рука слегка дотронулась до его плеча; он обернулся и в полусвете увидел женщину. Она печально смотрела на него и отрицательно покачала головой. Он тотчас же понял, что то, что он делал, было дурно, и ему стало стыдно за себя. «Куда же?» спросил он ее. Она еще раз долго, пристально посмотрела на него и печально наклонила голову. Она была та, совершенно та, которую он любил, и одежда ее была та же, на полной белой шее была нитка жемчугу, и прелестные руки были обнажены выше локтя. Она взяла его за руку и повела вон из залы. «Выход с той стороны», сказал Альберт; но она, не отвечая, улыбнулась и вывела его из залы. На пороге залы Альберт увидел луну и воду. Но вода не была внизу, как обыкновенно бывает, а луна не была наверху: белый круг в одном месте, как обыкновенно бывает. Луна и вода были вместе и везде – и наверху, и внизу, и сбоку, и вокруг их обоих. Альберт вместе с нею бросился в луну и воду и понял, что теперь можно ему обнять ту, которую он любил больше всего на свете; он обнял ее и почувствовал невыносимое счастье. «Уж не во сне ли это?» спросил он себя. Но нет! это была действительность, это было больше, чем действительность: это было действительность и воспоминание. Он чувствовал, что то невыразимое счастье, которым он наслаждался в настоящую минуту, прошло и никогда не воротится. «О чем же я плачу?» спросил он у нее. Она

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

молча, печально посмотрела на него. Альберт понял, что она хотела сказать этим. «Да как же, когда я жив», проговорил он. Она, не отвечая, неподвижно смотрела вперед. «Это ужасно! Как растолковать ей, что я жив», с ужасом подумал он. «Боже мой! да я жив, поймите меня», шептал он.

«Он лучший и счастливейший», говорил голос. Но что-то всё сильнее и сильнее давило Альберта. Было ли то луна и вода, ее объятия или слезы, – он не знал, но чувствовал, что не выскажет всего, что надо, и что скоро всё кончится.

Двое гостей, выходявшие от Анны Ивановны, наткнулись на растянувшегося на пороге Альберта. Один из них вернулся и вызвал хозяйку.

– Ведь это безбожно, – сказал он, – вы могли этак заморозить человека.

– Ах, уж этот мне Альберт, – вот где сидит, – отвечала хозяйка. – Аннушка! положите его где-нибудь в комнате, – обратилась она к служанке.

– Да я жив, зачем же хоронить меня? – бормотал Альберт, в то время как его бесчувственного вносили в комнаты

28 февраля 1858.

ВАРИАНТЫ ИЗ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ РЕДАКЦИЙ

АЛЬБЕРТ.

*№ 1 (I ред.).

Онъ думаетъ, вѣрно, что я только притворяюсь поэтомъ,6 потому что нѣтъ у меня другой дорожки. А можетъ быть, думаетъ, что я теперь сочиняю что-нибудь, и что ему придется рассказывать черезъ нѣсколько лѣтъ, что онъ ѣхалъ съ Крапивинымъ послѣ ужина отъ Дюса, и что именно тутъ-то Крапивинъ сочинилъ свою извѣстную пьесу «Хоть сумракъ дней...» также какъ про Пушкина рассказывалъ недавно Алфонсовъ. Будетъ рассказывать, что онъ былъ такъ простъ, веселъ и вдругъ.... а можетъ быть, и точно теперь вдругъ придетъ удивительная пьеса. Онъ попробовалъ продолжать, но далѣе 3-хъ словъ: хоть сумракъ дней, которыя Богъ7 знаетъ зачѣмъ пришли ему въ голову, ничего не выходило. – Ничего, утѣшалъ онъ себя, это придетъ завтра, я чувствую какую-то тоску ужъ нѣсколько дней – это вѣрный признакъ. (Онъ забывалъ, что эту тоску, будто бы предшественницу вдохновенія, онъ чувствовалъ ужъ давно, почти съ тѣхъ поръ какъ выступилъ на поэтическое поприще).8

** № 2 (III ред.).

Но о чемъ и зачѣмъ плакалъ тотъ, который лежалъ на диванѣ? Вотъ о чемъ и зачѣмъ онъ плакалъ. Ему теперь было 35 лѣтъ, онъ былъ очень богатъ и ему давно ужъ всегда было скучно. Быть скучающимъ человекомъ сдѣлалось даже какъ бы его общественнымъ положеніемъ. И всегда особенно было ему скучно и вмѣстѣ грустно тамъ, гдѣ надо было веселиться. Кромѣ того у него была плѣшивая голова, и волосы продолжали лѣзть, ревматизмы въ ногахъ и гиморой въ поясницѣ. Каждый день своимъ отъ утра до вечера онъ былъ недоволенъ, какъ будто раскаянье мучало его, и не только онъ, несмотря на доброе сердце, не могъ любить кого-нибудь, онъ самъ себя былъ невыносимо противенъ. А было время, когда онъ былъ молодъ, хорошо собой, когда онъ любилъ и другихъ и отъ себя ждалъ чего-то необыкновенно прекраснаго. Первые звуки Меланхоліи,9 но какому-то странному сцѣпленію впечатлѣній, живо перенесли его къ тому славному старому времени. –

Вдругъ передъ нимъ явилась старая зала, съ досчатымъ поломъ, въ которой еще10 дѣтьми они бѣгали вокругъ стола, но въ которой столъ этотъ теперь раздѣленъ на двѣ половинки и придвинутъ къ стѣнкѣ. Въ залѣ теперь блеститъ 8 свѣчей, играютъ 4 Еврея, и деревенской свадебной балъ кипитъ во всемъ разгарѣ. Вотъ старушка мать въ праздничномъ чепцѣ, улыбаясь и по-старушечьи пошевеливая губами,11 радуется на красавицу дочь молодую и на молодца сына; вотъ красавица молодая, счастливая сестра, вотъ они всѣ простые друзья и сосѣди; вотъ и горничныя, подгорничныя и мальчишки, толпящіеся въ дверяхъ и любующіеся на молодого барина. Да, былъ молодецъ, красавчикъ, весельчакъ, кровь съ молокомъ, и радовались на него, и онъ съ возбужденіемъ и счастьемъ чувствовалъ это. А вотъ и барышня и изъ всѣхъ барышень, она, Лизанька Тухмачева, въ розовомъ платьицѣ съ оборками. Чудное платьице! хорошо и холстинковое дикинское, въ которомъ она по утрамъ; но это лучше, спервоу, потому что оно на ней, и восторыхъ, потому что открываетъ ея чудную съ зобкомъ сзади шею и пушистыя, непривычныя къ обнаженію руки. Она не переставая почти безпрестанно улыбается, почти смѣется; но какой радостью и

ясностью сияет эта розовая улыбка на ее раскрасневшемся, вспотевшем личикѣ. Блестятъ бѣлые зубы, блестятъ глаза, блестятъ розы щекѣ, блестятъ волоса, блеститъ бѣлизна шеи, блеститъ вся Лизанька ослѣпительнымъ блескомъ. Да, она вспотѣла, и какъ прелестно вспотѣла! <какъ потѣютъ только деревенскія барышни; отъ нея дышитъ силой и здоровьемъ.> Коротенькія вьющіяся волосики на вискахъ и подъ тяжелой косою лоснятся и липнуть, на пурпурныхъ щекахъ выступаютъ прозрачныя капли, около нея тепло, жарко, страстно. Онъ ужъ разъ дватцать танцовалъ съ ней вальсъ и все мало, все еще и еще, вѣчно, вѣчно чего-то отъ нея хочется невозможнаго. Вотъ онъ сдѣлалъ шагъ отъ двери, и ужъ она улыбается, блеститъ на него горячими глазками, она знаетъ, что онъ идетъ опять обнять ее молодой и сильный станъ и опять понесется съ ней по доскамъ залы. А звуки вальса такъ и льются, переливаются, такъ и кипятятъ молодую кровь и нагоняютъ какую[-то] сладостную тревожную грусть и жаръ въ молодое сердце. – И какъ ей не знать, что онъ идетъ къ ней, тутъ хотъ и 10 барышень, и 10 кавалеровъ и другіе еще есть, но вѣдь это все вздоръ, всѣ знаютъ, что тутъ только одна красавица Лизанька и одинъ молодецъ – онъ. Никого больше нѣтъ, кромѣ его и Лизаньки, другіе только такъ, притворяются, что есть. – Одна есть моя моя Лизанька! и потому моя моя Лизанька, что я весь ее, что со слезами счастья готовъ12 сію же минуту умереть, принять истязанія за нее, за Лизаньку. Вотъ я подхожу къ ней, а первая скрипка жидъ выводитъ съ чувствомъ, подмывательно выводитъ тонкія нотки вальса, а матушка и другіе, всѣ, всѣ смотрятъ и думаютъ: вотъ парочка, такой нѣтъ другой во всемъ свѣтѣ, и они думаютъ правду; я подхожу къ ней, она ужъ встала, оправила платице; что тамъ таится подъ этимъ платицемъ, я ничего не знаю и не хочу знать, можетъ быть ноги, а можетъ быть ничего нѣтъ. Она подняла ручку, около локотка образовалась ямочка, и пухлая твердая ручка легла мнѣ на сильное плечо. Я дышу тѣмъ горячимъ воздухомъ, который окружаетъ ее, тамъ гдѣ-то подъ платьемъ ея ножки зашевелились, и все полетѣло; вотъ жиды, вотъ матушка, вотъ сестра съ женихомъ улыбаются, а вотъ ея глаза, посмотрѣли на меня, не посмотрѣли, а что-то сдѣлалось со мной и съ нею. Вотъ они. Сдѣлалось что-то чудесное, въ этомъ взглядѣ, сдѣлалось то, чего я не смѣлъ желать и желалъ <и я знаю, что это есть. Я бы хотѣлъ ревновать ее и ревную ее воображаемо, тогда еще> всѣми силами души. Ножки летятъ, ноги летятъ, рука, грудь, гдѣ она, гдѣ я? никто этаго не знаетъ. Мы летимъ, летимъ, что-то блеститъ, что-то двигается, что-то звучитъ, но я ничего не знаю и не хочу знать. – Но вотъ звучитъ ея голосъ, но я и того не слышу и не хочу слышать, и не голосъ, а шопотъ; она жметъ меня за руку, чтобы я опомнился, и повторяетъ: – Давайте прямо въ гостиную, говорить она, радостно улыбаясь. И чему она всегда улыбалась? Я понималъ однако тогда, чему она улыбалась. Нельзя было не улыбаться. Силы утраются, удесятерятся въ ногахъ – всякая жилка дрожитъ отъ бесполезнаго напряженія, несемся, несемся кажется прямо на притолку, на горничныхъ, но ничуть не бывало, и гор[ничныхъ] и притолки мы не цѣпляя [?] проскакиваемъ въ гостиную. Звуки скрипокъ чуть слышны, тихо, одна свѣча нагорѣла, стулья стоятъ, и я въ гостиной..... и она въ гостиной.

Мы останавливаемся, она смѣется, и грудь ея высоко поднимается отъ счастливаго вздоха. Глаза на мгновенье отрываются отъ моихъ, мои тоже смотрятъ внизъ и снова смотрятъ на нее. – Ея глаза говорятъ: Ну! Мои глаза говорятъ:13 Я? Неужели, это ужъ слишкомъ много, и въ то время какъ глаза, не теряя другъ друга, все болѣе и болѣе сближаются, такъ что странно становится, уста сливаются съ устами и руки невольно жмутъ другъ друга. Въ это время Осипъ серьезно проходитъ черезъ гостиную будто для того, чтобы снять съ нагорѣвшей свѣчи. Да что Осипъ? Она, смѣясь глазами, глядитъ на меня и идетъ въ диванную, я, <будто спокойно> напивая тройку удалую, иду въ залу. Отирая шолковымъ платкомъ потъ съ краснаго лица и откидывая назадъ, я знаю, густые и прекрасные волосы, я протискиваюсь черезъ горничныхъ въ залу. Матреша тутъ, и даже на самой дорогѣ, хорошенькое личико вызывающе смотритъ на меня, она улыбается; но я гордо прохожу мимо, и жестоко вопросительно смотрю на нее. «Не хочу понимать» и не дотрогиваюсь до нее. Лизанька возвращается и еще веселѣй смотритъ на меня, и я тоже. Стыдиться? Чего? Мы гордимся, мы ничего лучше, никто въ мѣрѣ ничего лучше, прелестнѣе не могъ сдѣлать. Можетъ быть Осипъ расскажетъ Агафѣ Михайловнѣ, а А. М. матушкѣ, и матушка по секрету составитъ совѣщаніе съ сосѣдями, и они будутъ ахать и заботиться, какъ скрыть. Да что онъ? Да ихъ нѣту. Лизанька, вотъ она Лизанька, душка, персикъ, вонъ она, глазки, губки, зубки, которые я слышалъ и чувствовалъ нынче же вечеромъ. Я еще и еще иду танцовать съ ней. Нѣтъ для меня кромѣ нея никого и ничего на свѣтѣ. Но я вышелъ на крыльцо освѣжиться и, проходя назадъ, нечаянно встрѣтилъ Матрешу. Какія тоже у нея прелести! Я постоялъ съ ней на крыльцѣ, держась за ручку двери, поговорилъ шопотомъ и потомъ поступалъ ногами, чтобы думали въ передней, что я только что пришелъ и не останавливался. Матреша

погрозились, засмѣялась и убѣжала, а я опять вошелъ въ залу. – Боже, какъ мнѣ было хорошо, весело, какъ я былъ счастливъ, какъ я забавень, какъ я былъ силенъ, какъ я былъ уменъ, какъ я былъ блаженно глупъ. <Всѣ на меня смотрятъ, всѣ на меня радуются. Да больше имъ и дѣлать нечего.> Я перевернулся колесомъ, я будущаго зятя на рукахъ понесъ къ ужину, я перепрыгнулъ¹⁴ черезъ весь столъ, я показывалъ свою силу. И всѣ смотрѣли и радовались и главное, я самъ, не переставая, радовался на себя. Въ этотъ вечеръ я могъ сдѣлать все, что бы не захотѣлъ. Ежели бы я только попробовалъ, я бы въ этотъ вечеръ по потолку пошелъ бы, какъ по полу. Помню, зазвѣнѣли бубенчики, Лизанькѣ съ матерью подали дрожечки. – Какъ я чудесно огорчился! Какъ я рѣшилъ: они не поѣдутъ, и они не поѣхали. – Мамаша, просите, – сказалъ я. Старушка побѣжала, хитро улыбаясь просила ихъ, и они остались. И гдѣ теперь эта прелестная старушка? Они остались, но зачѣмъ-то пошли спать наверхъ, когда я находилъ, что спать совсѣмъ никогда не надобно. Они пошли спать, а я, разгоряченный, облитый потомъ, снялъ галсту[хъ] и пошелъ ходить по морозной травѣ по двору, глядя на ея окна; и все думалъ, что бы мнѣ теперь еще сдѣлать: пойти купаться или поѣхать верхомъ 20 верстъ до города и назадъ – или лечь тутъ спать на морозъ и потомъ сказать, что я это для нея сдѣлалъ. Помню, караульщикъ тоже ходилъ по двору. Какъ я вдругъ сильно полюбилъ караульщика; онъ нашъ добрый мужичокъ, надо ему дать что-нибудь, сказалъ я самъ себѣ и пошелъ говорить съ нимъ; глупо, но прелестно я разговаривалъ съ нимъ. И [?] лизанька, и ночь, и я – все блаженство этаго [?] выражалось въ его добромъ бородатомъ лицѣ.

Вотъ что напомнили звуки музыки тому, кто лежалъ на [ди]ванѣ, и отъ этаго онъ плакалъ. Онъ плакалъ не отъ того, что прошло то время, которое онъ могъ бы лучше употребить. Ежели бы ему дали назадъ это время, онъ не брался лучше употребить его, а плакалъ отъ того, что прошло, прошло это время и никогда, никогда не воротится. Воспоминаніе о этомъ вечерѣ съ мельчайшими подробностями мелькнуло въ его головѣ, можетъ быть, по тому, что звукъ скрипки Алберта похожъ былъ на звукъ первой скрипки Жида, игравшаго на свадебной вечеринкѣ, можетъ быть и потому, что то время было время красоты и силы, и¹⁵ звуки Алберта были всѣ красота и сила. Дальше скрипка Алберта говорила все одно и одно, она говорила: прошло, прошло это время, никогда не воротится; плачь, плачь о немъ, выплачь всѣ слезы, умри въ слезахъ объ этомъ времени, это все таки одно лучшее счастье, которое осталось тебѣ на этомъ свѣтѣ. И онъ плакалъ и наслаждался.

* № 3 (III ред.).

– Расскажите пожалуйста, господинъ Албертъ, – сказалъ Делесовъ улыбаясь, – какъ это вы ночевали въ театрѣ, вотъ, я думаю, были поэтическія, гофманскія ночи.

– Ахъ, что говорить! – отвѣчалъ Албертъ. – Я и хуже ночевалъ, и въ конюшняхъ, и просто на улицѣ ночевалъ..... О! много я перенесъ въ своей жизни! Но это все вздоръ, когда здѣсь есть надежда и счастье, – прибавилъ онъ, указывая на сердце. – Да, надежда и счастье.

– Вы были влюблены? – спросилъ Делесовъ. –

Албертъ задумался на нѣсколько секундъ, потомъ лицо его озарилось внутренней улыбкой блаженнаго воспоминанія. Онъ нагнулся къ Делесову, внимательно посмотрѣлъ ему въ самые глаза и проговорилъ шопотомъ: – Да, я люблю. Да, люблю! – вскрикнулъ онъ. –

– Вы мнѣ понравились, очень понравились, я вижу въ васъ брата. Я вамъ все скажу. Я люблю NN, – и онъ назвалъ ту особу, про которую рассказывалъ Делесову музыкантъ на вечерѣ. – И я счастливъ, мнѣ нужно ее видѣть, и я счастливъ. Ее нѣтъ здѣсь теперь, но все равно, я¹⁶ знаю, что я буду ее видѣть, и я вижу, вижу ее, всегда вижу, она будетъ знать меня, она будетъ моя, не тутъ, но это все равно.

– Пойдите, пойдите, – заговорилъ онъ, одной рукой дотрогиваясь до Делесова, а другой доставая что-то изъ кармана. –

– Вотъ оно! – сказалъ онъ, вынимая изъ кармана старую запачканную бумагу, въ которой было завернуто что-то. – Это она держала въ рукѣ, – сказалъ онъ, подавая свернутую театральную афишу. – Да. А это прочтите, – прибавилъ онъ, подавая запачканный пожелтѣвшій исписанный листъ почтовой бумаги. Уголь листа былъ оторванъ, но Албертъ, приставляя уголь, держалъ листъ такъ, что Делесовъ могъ прочесть все, что было написано. Онъ не хотѣлъ отдать Делесову въ руки

драгоценный листъ, а держалъ его самъ дрожащими руками.¹⁷ <такъ что онъ могъ читать, и съ блаженнѣйшей улыбкой слѣдить за глазами Делесова, читавшаго слѣдующія строки.

Ваше..... (тутъ былъ титулъ особы). Ты думала,¹⁸ что не знала¹⁹ меня: но ты²⁰ любила и будешь²¹ любить вѣчно меня одного. Я умеръ, и понялъ, что ты моя, а я твой. Прощай, не вѣрь несчастьямъ этой жизни, вѣрь объятіямъ вѣчнымъ, которыя тамъ ожидаютъ тебя. Твой Альбертъ и здѣсь и тамъ будетъ ждать и любить одну тебя. Твой Альбертъ.>

– Я хотѣлъ послать ей это письмо еще сначала; но я думаю, лучше передать ей, когда я умру.

Делесовъ прочелъ сумашедшее нѣмецкое любовное посланіе. Въ заглавіи были полное имя и титулъ особы. Въ письмѣ соединялась чрезвычайная почтительность съ нѣжностью счастливаго любовника. Упоминались обстоятельства, которыя не могли быть. Делесовъ почти съ ужасомъ посмотрѣлъ на счастливое лицо своего собесѣдника, который, осторожно уложивъ письмо, снова спряталъ его въ карманъ.

– Она получить это, – сказалъ онъ шопотомъ.

* № 4 (III ред.).

Но Альбертъ еще не думалъ спать въ это время, хотя онъ съ девяти часовъ уже заперся въ своей комнатѣ. Онъ взадъ впередъ ходилъ по комнатѣ, разговаривая самъ съ собою, ударяя себя по головѣ, останавливаясь, разводя руками, и только тогда²² замиралъ и бросался на диванъ, когда слышались шаги въ сосѣдней комнатѣ.

Этотъ человекъ перестрадалъ въ эти три дня больше, чѣмъ во всю свою жизнь. Тотъ свой внутренній благоустроенный міръ, котораго не допускалъ Делесовъ, былъ у Альберта и даже этотъ міръ былъ любезенъ ему такъ, какъ малому числу людей. Теперь же этотъ міръ былъ разрушенъ, на мѣсто его стала²³ ужасная дѣйствительность, <или скорѣе то, что нѣкоторые люди называютъ дѣйствительностью, но то, что было пошлой мечтой для Альберта>. Уже давно онъ отвергъ отъ себя эту мечту, давно уже устроилъ свой особенный міръ, въ которомъ онъ жилъ всегда съ любовью, всегда съ увлеченіемъ, всегда съ славой, всегда преклоненный передъ красотой. Гдѣ бы онъ ни былъ, съ кѣмъ бы ни былъ, всѣхъ онъ любилъ, всѣхъ радовалъ. Пускай подъ вліяніемъ вина, но огонь безплотной страсти къ прекрасному, ни на минуту не угасая, горѣлъ въ немъ, такъ что всякая минута его была ему драгоценна. Мечты, невозможные мечты съ ясностью и силой дѣйствительности, всегда тревожно радуя его, толпились въ воображеніи. Вся жизнь съ ея трезвой неуступчивой дѣйствительностью была закрыта отъ него, только радость, восторгъ, любовь и веселье вѣчно окружали его. И вдругъ насильно, желая будто бы добра ему, его вырвали изъ его міра, гдѣ онъ великъ и счастливъ, и перенесли въ тотъ, гдѣ онъ самъ чувствуетъ себя дурнымъ и ничтожнымъ. Все забытое, занесенное восторгами, прошедшее вдругъ возстаетъ передъ нимъ. Прежде ежели случайно онъ и вспоминалъ, что онъ оборванъ, что онъ нищій, что онъ бралъ и не отдавалъ деньги, кралъ, какъ это они называютъ, ему это только странно и смѣшно было. Зачѣмъ ему думать объ этомъ, когда онъ счастливъ <и счастливъ счастьемъ другихъ, онъ всѣхъ любитъ, готовъ все отдать для каждаго, и потомъ самъ Богъ устами красоты призываетъ его>. Теперь же самъ на себя онъ ужъ смотрѣлъ невольно глазами другихъ, и Боже! какое ему ужасное представилось зрѣлище, – нищій, воръ, пьяница, развратный, отовсюду выгнанный, всѣми брошенный, всѣми презираемый. Все это вмѣсто пожинаящаго славу, счастливаго, гениальнаго художника. Выйти изъ этаго положенія по дорогѣ дѣйствительности, какъ ему предлагалъ Делесовъ, опять служить, работать, платить, брать деньги, считать, покупать, ѣздить въ гости,²⁴ – онъ не могъ этаго сдѣлать, деньги, начальники, товарищи – это было для него пучина, непонятная пучина дѣйствительности. Нетолько выходить изъ этаго положенія, онъ не признавалъ себя въ немъ.

За что оскорблять меня, исправлять какъ дурнаго? думалъ онъ. Чѣмъ я дурень? Я никому зла не дѣлалъ. За что же? Онъ невольно чувствовалъ злобу на Делесова и говорилъ себѣ: за что, Богъ съ нимъ. Но потомъ опять приходилъ ему взглядъ общій людской на себя, и онъ мучался, мучался, усиленно стараясь унижить себя въ собственныхъ глазахъ. И все мысль, что одно вино и съ разу перенесетъ его сейчасъ опять на тотъ апогей счастья и величія, на которомъ онъ былъ, заставляла его желать одного, вина и свободы. Въ эту 3-ю ночь онъ долго одинъ мучался, ходя въ своей комнатѣ. Онъ плакать хотѣлъ, но не могъ, тогда какъ звукъ [2

неразобр.], но когда всѣ улеглись, онъ инстинктивно пошелъ искать вина. Опять буфетъ запертъ, прошелъ на кухню и тамъ нашель цѣлый графинъ водки. Онъ выпилъ, выпилъ еще и началъ опоминаться. Весь вздоръ заботъ понемногу слеталъ съ его души, онъ вернулся въ комнату, легъ на постель. Мечты, его любимыя мечты о жизни въ Италіи съ девицей Малеръ ясно пришли ему въ голову, онъ почувствовалъ себя счастливымъ. – Сыграй что нибудь, Францъ, – сказала ему она, и онъ, вспомнивъ, что скрипка спрятана въ чуланъ, пошелъ туда и, забывъ выдти оттуда, сталъ играть мотивъ, вдругъ пришедшій ему въ голову.

Въ серединѣ ночи, еще во снѣ, Делесовъ услыхалъ надъ головой музыку. Сначала музыка эта составляла понятное явленіе сна; но понемногу пробуждаясь, всѣ прочія видѣнія сна исчезли, осталась темная комната, кровать, столикъ, полусвѣтъ окна и надъ головой страстные звуки какого-то незнакомаго ему мотива. Звуки эти доставляли ему такое наслажденіе, что довольно долго онъ только слушалъ ихъ и не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что это такое было. –

Догадавшись наконецъ, что это былъ Альбертъ, онъ потихоньку всталъ и крадучись пошелъ по направленію звуковъ. Они привели его къ двери чулана. Приложивъ ухо къ двери, съ замирающимъ дыханіемъ и дрожа отъ холода, но не замѣчая того, Делесовъ долго стоялъ и слушалъ. Это дѣйствительно былъ Альбертъ; хотя мотивъ былъ совершенно новый, Делесовъ узналъ эту нѣжную и страстную игру, притомъ слышалъ тяжелое его дыханье, изрѣдка радостный смѣхъ и странныя нѣмецкія несвязныя восклицанія. – Превосходно! Прелестно! Вы геній! Ахъ Боже мой, я ничего подобнаго не слышалъ! – говорилъ самъ себѣ Альбертъ и радостно чуть слышно смеялся.....

8.

25 На другой день, 26 вообще на четвертый пребыванія Альберта у Делесова, они обѣдали вмѣстѣ дома. Альбертъ былъ также изнуренъ, блѣденъ и слабъ. Онъ ничего не ѣлъ и, берясь за стаканъ, въ который Делесовъ наливалъ ему вино, робко взглядывалъ на хозяина. Онъ, казалось, хотѣлъ говорить, но не могъ. Начавши рѣчь, онъ вдругъ останавливался.

– А я нынче ѣду въ Донъ-Жуанъ, – сказалъ Делесовъ, – поѣдемте право.

Альбертъ ничего не отвѣчалъ, а только изподлобья взглянулъ на Делесова.

– Право поѣдемте.

Альбертъ взялъ бутылку вина, налилъ себѣ полный стаканъ и вдругъ, рѣшительно стукнувъ по столу, сказалъ: ѣдемте! Все остальное время до театра онъ молчалъ и, какъ казалось Делесову, насмѣшливо, изрѣдка поглядывалъ на него. Передъ театромъ онъ попросилъ еще выпить, потому что иначе, говорилъ онъ, музыка слишкомъ сильно на него подѣйствуетъ. Въ каретѣ однако онъ держалъ себя смирно; только изрѣдка Делесовъ замѣчалъ, что онъ вздыхалъ, пощелкивалъ языкомъ, производилъ губами звукъ челоуѣка, собирающагося говорить, но не произнесъ ни одного слова. Входя въ театръ, онъ видимо такъ заробѣлъ (несмотря на то, что по стараніямъ Захара онъ былъ весьма прилично одѣтъ въ барское платье), онъ такъ заробѣлъ, что Делесовъ долженъ былъ почти за руку ввести его. Это состояніе болѣзненнаго испуга продолжалось до того времени, пока не заиграли увертюру. Тутъ онъ весь переродился, лицо его сдѣлалось все вниманіе и радость. Онъ подпрыгивалъ на своемъ стулѣ, улыбался, слезы текли по его щекамъ, и никого для него не существовало. Въ антрактѣ снова на него находила робость, онъ испуганно оглядывался, опускалъ глаза и не выходилъ никуда съ тѣмъ, чтобы не встрѣтить кого-нибудь знакомыхъ. Во второмъ и слѣдующемъ актѣ было тоже, Альбертъ блѣдный сидѣлъ подлѣ Делесова и плакалъ и таялъ отъ счастья. И страданія и радость такъ и отпечатывались на его лицѣ. Къ концу послѣдняго акта онъ такъ ослабѣлъ, что насилу могъ сидѣть на стулѣ и только болѣзненно улыбался. Делесовъ нѣсколько разъ долженъ былъ подталкивать за руку, чтобы вывести изъ партера, когда все кончилось. –

Садясь въ карету, Делесовъ пропустилъ впередъ Альберта, но Альбертъ, какъ бы изъ учтивости, отказывался. Делесовъ вспрыгнулъ въ карету и далъ мѣсто; вдругъ Альбертъ исчезъ куда-то. Онъ взглянулъ въ дверцу: черная худая фигура Альберта рысью бѣжала по подъѣзду и скрылась за угломъ театра. – Альбертъ, Альбертъ! – кричалъ онъ, но Альбертъ не оглядываясь бѣжалъ ужъ по темному переулку.

– Нѣтъ, онъ рѣшительно сумашедшій! – подумалъ Делесовъ.

Несмотря на всѣ розыски, Альбертъ нигдѣ не нашелся. Захаръ пожалѣлъ очень о Нѣмцѣ и о своемъ пальто, и Делесовъ, возвратившись къ своей прежней жизни, нѣсколько дней чувствовалъ какую-то пустоту и недовольство; но скоро впечатлѣніе Альберта совершенно исчезло, и осталось холодное воспоминаніе.

9.

Прошло болѣе мѣсяца; наступали красные весенніе дни, на улицахъ снѣгъ счищали, въ полдень было ясно, не холодно и весело. –

Делесовъ выхлопоталъ себѣ паспортъ за границу и съ первымъ пароходомъ собирался ѣхать. Въ одинъ изъ такихъ красныхъ, но еще холодныхъ весеннихъ дней онъ въ 12-томъ часу утра вышелъ на улицу. Дѣла его устроились хорошо, денегъ было достаточно, желудокъ въ исправности, аппетитъ хорошій, солнце свѣтило ярко, платье, сапоги и чистая рубашка ловко, легко, пріятно сидѣли на тѣлѣ, всѣ хорошія воспоминанія и счастливые планы сами собой лѣзли въ голову. – Онъ испытывалъ холодное самодовольство человѣка, удобно и изящно устроившаго свою жизнь. – Онъ собирался сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ, выбралъ получше извозчика и поѣхалъ. И въ саняхъ было славно, высоко и покойно сидѣть, народъ все попадался такой красивой и веселой, знакомые кланялись особенно пріятливо и радостно.

– Право, отлично можно жить, – подумалъ онъ, – только бы не дѣлать глупостей.

Выѣзжая изъ Гороховой, на правомъ тротуарѣ онъ замѣтилъ совсѣмъ не веселую и не красивую фигуру, которая показалась ему знакома. Худая фигура съ согнутой спиной въ одномъ каричневомъ пальто и измятой шляпѣ шла впереди его.

– Неужели это Альбертъ? Онъ, онъ! дѣйствительно это онъ.

Альбертъ, засунувъ руки въ штаны подъ пальто, надвинувъ вылезшую съ широкими полями шляпу на нечесанные засоренные волосы, на согнутыхъ ногахъ, торопливо и робко оглядываясь, шибко пробирался около самой стѣнки.

Делесовъ соскочилъ съ саней и побѣжалъ вслѣдъ за нимъ. Тутъ только онъ замѣтилъ, что два мальчишки, что-то говоря ему, бѣжали за Альбертомъ, и что на противоположной сторонѣ улицы извозчики смѣялись, глядя на убѣгающаго и оглядывающагося Нѣмца. Еще не успѣлъ Делесовъ догнать его, какъ вдругъ Альбертъ ускорилъ шаги и, отчаянно оглянувшись, повернулъ и скрылся въ отворенные ворота. <Делесову невольно вспомнилась травленая собака.>

– Вотъ такъ нарядный Нѣмецъ, – проговорилъ одинъ извозчикъ, возвращаясь къ своимъ санямъ. –

– Принцъ! Принцъ! купи пряниковъ! – кричали мальчишки, остановившись у воротъ. Делесовъ тоже остановился и, вѣроятно, не увидаль бы больше Альберта, ежели бы на серединѣ двора не остановила его кухарка. Альбертъ благодарно пожималъ за локоть улыбающуюся кухарку и что-то живо бормоталъ ей.

– Здорово, Альбертъ! – сказала дворникъ, несшій дрова на лѣстницу и остановившійся на минуту: – что давно ночевать не приходилъ?

Альбертъ улыбнулся и дружелюбно закивалъ головой и дворнику.

Делесовъ незамѣченный подошелъ къ нему сзади.

– Здравствуйте, Господинъ Альбертъ, – сказалъ онъ по-нѣмецки.

Альбертъ оглянулся съ радостной и покорной улыбкой на лицѣ, но увидавъ красивое новое платье и наружность, казавшуюся ему незнакомой, онъ испугался и, что-то несвязно пробормотавъ, хотѣлъ уйти. Лицо Альберта было еще болѣе болѣзненно и изнуренно, чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ, онъ видимо давно ничего не ѣлъ и не пилъ, платье оборванно, движенія слабы. Онъ вынулъ изъ кармановъ руки, они были сизо-красны – и обѣими приподнял шляпу, съ недоумѣніемъ и робостью вглядываясь въ лицо Делесова.

– Я тутъ къ знакомымъ обѣдать иду, это ничего, – сказалъ онъ по-нѣмецки.

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

– Вы меня не узнали, а помните, съ мѣсяць тому назадъ вы пробыли у меня три дня. Какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ опять, – говорилъ Делесовъ. <и думалъ самъ съ собой: не позвать-ли его объѣдать? Нет, рѣшительно невозможно, онъ такъ грязень!> – Что вы никогда не зайдете ко мнѣ? вотъ бы нынче вечеромъ.

Албертъ рѣшительно не узнавалъ его.

– Я объѣдать сюда иду. А вы гдѣ живете?

Делесовъ назвалъ ему свою квартиру и снова напомнилъ себя.

– Ахъ да! – засмѣялся Албертъ, – помню, помню. <А что Захаръ здоровъ?> а скрипка есть у васъ и выпить <будетъ?> я хотѣлъ бы.

– Все будетъ, только приходите нынче вечеромъ, и выпьемъ, и повеселимся, не забудьте. –

– Хорошо, хорошо, я вамъ буду играть, а то у меня скрипки нѣтъ, ничего нѣтъ, платья нѣтъ, квартиры нѣтъ, скверная жизнь! Скверная жизнь, – повторилъ онъ нѣсколько разъ и пошелъ въ глубину двора.

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ и оглянувшись снова повторилъ: скрипки нѣтъ, ничего нѣтъ. Скверная жизнь, скверная жизнь!

Делесовъ проводилъ его глазами до черныхъ закопченныхъ дверей, въ которыхъ онъ скрылся, продолжая повторять: скверная жизнь! скверная жизнь!

– Надо было ему дать что-нибудь, – сказалъ онъ самъ себѣ.

– Ну все равно, вечеромъ дамъ.

Въ 7 часовъ въ этотъ день Делесовъ былъ дома, ожидая музыканта и гостей, которыхъ онъ пригласилъ нынче вечеромъ посмотреть и послушать удивительное гениальное и погибшее существо. – Въ числѣ гостей былъ и сынъ министра, участвовавшій въ первомъ вечерѣ у Анны Ивановны, и извѣстный знатокъ музыки Аленинъ, который на приглашеніе Делесова замѣтилъ, что странно бы было, чтобы былъ въ Петербургѣ талантъ, котораго бы онъ не зналъ, модный пьянистъ французъ и старый пріятель Делесова, <бездарный> художникъ Бирюзовской, чудакъ, умная пылкая голова, энтузіастъ и большой спорщикъ.

Захаръ былъ посланъ за ужиномъ. – Делесовъ одинъ сидѣлъ дома, когда у двери раздался слабый звонокъ. Действительно это былъ Албертъ, какъ предполагалъ Делесовъ; но въ такомъ виде, что не было надежды услышать его игру нынче вечеромъ. Онъ былъ растрепанъ, испачканъ, глаза были совершенно мутны, и когда Делесовъ отворилъ дверь, онъ уже успелъ заснуть, облокотившись на притолку. Стукъ отворяемыхъ дверей разбудилъ его, онъ шатаясь, бормоча что-то, ввалился въ гостиню, упалъ на диванъ и заснулъ.

– Вот-те и музыкальный вечеръ, – подумалъ Делесовъ.

10.

Часа черезъ два стали пріѣзжать гости, Албертъ все спалъ.

– Ну, что ваше необыкновенное созданіе? – сказалъ сынъ министра, входя въ комнату съ французомъ Пишо.

– Несчастье! ужасно пьянъ и спитъ, – отвѣчалъ Делесовъ.

– Ничего, отпоимъ его содовой водой.

– Славное лицо! – сказалъ французъ, сверху глядя на спящаго немца.

Пріехалъ и Аленинъ, извѣстный знатокъ и петербургской авторитетъ въ музыке.

– Такъ это-то гениальное существо, – сказалъ онъ, – посмотримъ.

Художникъ долго серьезно посмотрѣлъ на Алберта и, ничего не сказавъ, съ недовольнымъ видомъ отошелъ отъ него.

Пишо сълъ за фортепяно и изячно и просто сыгралъ нѣсколько ноктюрновъ Chopin, остальные господа разговаривали между собой о вседневныхъ вопросахъ. – Альбертъ изредка поворачивался и на мгновение открывалъ глаза. Несколько разъ пробовали будить его, но онъ не выказывалъ ни малѣйшаго признака жизни.

– А ведь онъ не спитъ, – шопотомъ сказалъ сынъ министра, уловивъ бѣглый взглядъ, который Альбертъ, открывъ глаза, бросилъ на нихъ. – Онъ долженъ быть плутъ, – прибавилъ онъ.

– Этого я не знаю, – разсудительно замѣтилъ Аленинъ, – только по опытности моей съ такого рода господами скажу вамъ, что часто подъ видомъ страстнаго артиста скрываются величайшіе мерзавцы.

Разговоръ снова отошелъ отъ Альберта, и прошло съ полчаса. Вдругъ Альбертъ потянулся, всѣ оглянулись на него. Альбертъ, открывъ глаза, смотрѣлъ вверхъ, и на лицѣ его сіяла счастливая самодовольная улыбка чловѣка, находящагося въ совершенномъ согласіи со всѣмъ свѣтомъ и съ своей совѣстью. Увидавъ новыя лица, онъ привсталъ и поклонился. Хозяинъ дома познакомилъ его со всѣми и предложилъ содовой воды. Альбертъ выпилъ, но не могъ еще твердо стоять на ногахъ.

– Не хотите ли поѣсть чего-нибудь?

Онъ задумался.

– Ахъ да. Я бы сълъ кусочекъ чего-нибудь. Я давно ничего не ѣлъ; а потомъ будемъ музицировать.

Аленинъ подошелъ къ музыканту и, устремивъ на него строгой холодный взглядъ, сталъ его спрашивать.

– Что, вы имѣете какую-нибудь службу? – спросилъ онъ.

– Нѣтъ, ни... нѣтъ, – испуганно отвѣчалъ Альбертъ.

– А вы были, кажется, прежде въ театръ, мнѣ говорилъ Делесовъ.

– Да... нѣтъ... теперь не хожу.

– Я былъ вчера въ Травъатъ, – сказалъ Аленинъ, обращаясь болѣе къ Делесову, чѣмъ къ Альберту, – Бозіо была очень хороша; а нынче ужъ для васъ Вильгельма Теля пропустилъ.

– О, Вильгельмъ Тель! Божественный Россини! – съ энтузіазмомъ воскликнулъ Альбертъ.

– Вы любите Россини?

– О, Россини! одинъ живуцій теперь геній! – закричалъ онъ, размахивая руками.

– Вы Беріо слышали когда-нибудь? – продолжалъ какъ ученика допрашивать его Аленинъ.

– Я учился и жилъ у него 3 года. Это царь искусства.

– А Н. Н. знаете? – спросилъ Аленинъ, назвавъ скрипача средней руки: – какъ вы его находите?

– Большой, большой артистъ и чловѣкъ прекрасный.

– А вы вѣрно знаете нашу 1-ю скрипку, – онъ назвалъ того самаго музыканта, который на музыкальномъ вечерѣ разсказывалъ Делесову исторію Альберта.

– Какже не знать, отличный талантъ, чистая нѣжная игра, мы часто прежде играли вмѣстѣ. О, много, много есть большихъ талантовъ. У всѣхъ есть прекрасное. Другіе не отдають справедливости; какже это можно, каждый что-нибудь да новое положилъ въ свое искусство.

– Отчего, – продолжал Аленин, – у вас такой славный талант, как говорить, а вы нигде не служите?

Альберт испуганно оглянулся на всю публику, смотревшую на него в это время.

– Я – я... не могу, – забормотал он и вдруг, как будто оживши, сдвинул усилие над собой и привстал, ухватившись обеими руками за притолку. – Давайте музицировать, – сказал он и свойственным ему пошлым жестом движениями руки откинув волосы, отошел на другой угол комнаты, где была скрипка.

– Не хотите ли попеть прежде? – спросил Делесов.

– Неть, неть, прежде играть, играть, – восторженно говорил Альберт, – только выпить бы чего-нибудь.

– Я по одному тому, как он берется за скрипку, вижу, что это не большой артист, – сказал Аленин.

– Уж этого я не знаю, – сказал сын министра, – только что он вонючий и грязный, это положительно.

– Как он слаб, насилу держится, – сказал кто-то.

– Можно ли упасть до такой степени, – сказал француз, отходя от фортепьяно, к которому с скрипкой подошел Альберт.

– Давайте! кто будет акомпанировать? – спросил Альберт.

Несмотря на то, что Пишо видимо не хотел играть вместе с Альбертом и тем становиться с ним на одну доску, хозяин дома и гости упростили его съезд за фортепьяно. Француз неохотно исполнил их просьбу.

– Carnival de Venise, 27 хотите? – сказал Альберт, размахивая скрипкой. La majeure. 28

– Ну конечно! – сказал Аленин. – Carnival de Venise, эту пошлость, значить, что дрянно. Да и играет плохо, – прибавил он, послушав внимательно несколько времени.

– Ведь он способен по пустякам восторгаться; я его давно знаю, – заметил сын министра, подмигивая на Делесова.

Делесову самому начинало казаться, что точно не было ничего хорошего в игре Альберта. – Пишо между тем, акомпанируя, оглядывался на Делесова и подмигивал с видом иронического одобрения. Только художник, жадно вглядывавшийся во все больше и больше оживляющееся лицо Альберта, и Захарь, высунувший из-за двери свое добродушное лицо, были довольны игрой Альберта. Пишо, хотя невольно вытягивался, смотря на скрипача, закатывал глаза и улыбался, находил время оглядываться на хозяина с шутивным одобрением. Остальные гости под влиянием Аленина, начавшего слушать с предубеждением, оставались строги и холодны. Совершенно лишенный эстетического чувства сын министра покачивал головой с выражением, говорившим: не то, не то, и иронически поглядывал на Делесова.

Однако Альберт был недоволен своей игрой.

– Неть, я не могу нынче играть, – сказал он, кладя скрипку.

Делесов повел его в другую комнату и предложил попеть.

– Я голоден, – сказал Альберт, – от этого не могу играть. Можно этого съездить? – спрашивал он с детским выражением указывая то на то, то на другое блюдо, и, получая позволение, с жадностью ел то то, то другое. Пишо в это время, сидя за фортепьяно, играл одну из мазурок Chopin.

– Ах, прелестно! прелестно! – закричал Альберт и, не проглотив куска, побуждал слушать. – Прелестно, прелестно! – твердил он, улыбаясь, встряхивая волосами и подпрыгивая. Он взял скрипку и стал акомпанировать. –

Аленинъ между тѣмъ подозвалъ къ себѣ Делесова. –

– Ну, батюшка, хорошъ вашъ геній. Этакихъ геніевъ какъ собакъ. Гадкій фарсёръ, ни знанія, ни таланта, ничего!

– Да я сейчасъ замѣтилъ, что онъ шутъ, – сказалъ сынъ министра.

Делесову было совѣстно; но онъ не могъ не согласиться съ такимъ авторитетомъ, какъ Аленинъ.

– Ну, все таки талантъ? – сказалъ онъ.

– Никакого! Еще можетъ быть, что онъ бы могъ играть путно 2-ю скрипку въ квартетахъ, ежели бы былъ порядочный человекъ и занимался бы; а теперь онъ и этаго не можетъ. Вѣдь я не мало возился съ артистами. Ихъ есть цѣлая порода, нечесанныхъ, какъ я называю. Эти господа воображаютъ, что надо не бриться, не мыться, не чесаться и не учиться, чтобы быть артистами. И еще быть подленькими, – прибавилъ онъ.

Всѣ засмѣялись. –

Делесову было совѣстно, но онъ признавалъ совершенно свою ошибку.

– А онъ меня совсѣмъ надулъ, – сказалъ онъ. – Правда, правда ваша.

Пишо въ это время, совершенно забывъ свою гордость моднаго пьяниста, принесъ на фортепьяно бутылку вина и вдвоемъ съ Албертомъ пилъ, говорилъ и игралъ, не обращая никакого вниманія. Художникъ блестящими глазами, не отрываясь, смотрѣлъ на Алберта и восхищался.

11.

– И страшно, и больно смотрѣть на него, – сказалъ онъ, подходя къ группѣ, въ которой говорилъ Аленинъ. –

– А ты все считаешь его за генія, – сказалъ Делесовъ, – спроси-ка у Михайль Андрѣича.

Художникъ злобно вопросительно посмотрѣлъ на Аленина.

– Чтожъ, у каждаго можетъ быть свое мнѣніе, – отвѣчалъ Аленинъ, – мое мнѣніе, и мнѣніе основанное на маленькой опытности, слѣдующее: такихъ господъ надо въ исправительные дома сажать, или заставлять улицы мести, а не восхищаться ими. –

– Отчего жъ вы такъ на него изволите гнѣваться? – язвительно спросилъ художникъ.

– А отъ того, что эти-то господа язва для серьезнаго искусства. –

Художникъ вдругъ разгорячился.

– Вы говорите: язва, – заговорилъ онъ, – да вы понимаете ли, что онъ такое?

– Я вижу, что есть, а не то, что бы вамъ, можетъ быть, хотѣлось видѣть.

– Да, это спившійся, негодный, грязный нѣмецъ, неправда-ли? – отвѣчалъ художникъ, указывая въ дверь на Алберта, который въ это время, дрожа всѣмъ тѣломъ и тая отъ наслажденія, игралъ какой-то мотивъ. – Нѣтъ. Это не пьяный нѣмецъ, а это падшій геній стоитъ передъ вами, падшій не за себя, а за насъ, за29 самое дорогое для человечества дѣло, за поэзію! Это человекъ, сгорѣвшій отъ того священнаго огня, которому мы всѣ служимъ, который мы любимъ больше всего на свѣтѣ. Огонь счастья поэзіи! Онъ жжетъ другихъ, этотъ огонь, такъ трудно тому, кто носить его въ себѣ, не сгорѣть самому. И онъ сгорѣлъ весь; потому что огня въ немъ было много и что служилъ онъ ему честно. Мы не сгоримъ, не бось. Намъ и Богомъ не дано этаго огня, да и заглушаемъ мы всякой житейской мерзостью, корыстью, себялюбіемъ ту крошечную искру, которая и была въ насъ.

А онъ сгорѣлъ весь, какъ соломенка, за то онъ великъ.

– Да чѣмъ же великъ? – сказалъ спокойно Аленинъ, какъ бы не замѣчая горячности

своего собеседника. – Какую же онъ пользу сдѣлалъ обществу этимъ огнемъ, какъ вы выражаетесь?

– Пользу обществу? Вотъ они, ваши 30 сужденія. Онъ и знать не хочетъ вашего общества и вашей пользы и всѣхъ этихъ пустяковъ. Онъ дѣлаетъ то, что ему свыше положено дѣлать, и онъ великъ; потому что тотъ, кто сдѣлалъ то, что Богъ приказалъ, тотъ принесетъ пользу, не такую близорукую пользу, которую вы понимаете, а такую пользу, что не пройдетъ онъ даромъ въ жизни, какъ мы всѣ; а сгоритъ самъ и зажжетъ другихъ...

– Ну ужъ это я не знаю, что тутъ хорошаго въ этихъ пожарахъ поэтическихъ, особенно ежели они ведутъ въ кабакъ и въ распутной домъ, – сказалъ Аленинъ, улыбаясь. – Не желаю я никому такого огня. –

– Нѣтъ, неправда! – озлобленно продолжалъ художникъ. – Вы сію минуту отдали бы все, что у васъ есть, за его огонь; да онъ не возьметъ ни вашихъ душъ, ни денегъ, ни чиновъ, ничего въ міръ не возьметъ, чтобъ разстаться съ нимъ, хоть на одно мгновенье, потому что изъ всѣхъ насъ онъ одинъ истинно счастливъ!

Въ это время Альбертъ, льстиво улыбаясь, нетвердыми шагами вошелъ въ комнату, видимо желая сказать что-то. Замѣтивъ разгоряченное лицо и жестъ художника и замѣшательство хозяина, онъ пріостановился и, решительно не понимая ни слова изъ того, что говорили, сталъ покорно, одобрительно и нѣсколько глупо улыбаться.

– Да, – продолжалъ художникъ, горячась болѣе и болѣе, – вы можете приводить его къ себѣ, смотрѣть на него какъ на рѣдкость, давать ему деньги, благодѣтельствовать, однимъ словомъ унижать, какъ хотите, а все таки онъ былъ и есть и будетъ неизмѣримо выше всѣхъ насъ. Мы рабы, а онъ Царь. Онъ одинъ свободенъ и счастливъ, потому что одинъ слушаетъ только голосъ Бога, который постоянно призываетъ его на служеніе красоты – одного несомнѣннаго блага въ міръ. Онъ льститъ и унижается передъ нами; но это потому, что онъ неизмѣримо выше насъ. – Лестъ и униженіе для него одинъ выходъ изъ той путаницы жизни, которой онъ знать не хочетъ. Онъ унижается и льститъ, какъ тотъ, который говоритъ: бей меня, только выслушай. Ему нужно вдохновенье, и гдѣ бы онъ ни черпалъ его – оно есть у него. Ему нужны рабы, и они есть у него – мы его рабы. Мало того, что онъ счастливъ, онъ одинъ добръ истинно. Онъ всѣхъ одинаково любить, или одинаково презираетъ – что все равно, а служить только тому, что вложено въ него свыше. А мы что? Мы не только другихъ не любимъ, а кто изъ насъ не дуракъ, такъ тотъ и себя не любитъ. Я самъ себѣ гадокъ и ты тоже, и всѣ мы! Кто изъ насъ знаетъ, что должно? Никто. А онъ знаетъ и не сомнѣвается, – говорилъ художникъ, горячась все больше и больше.

Альбертъ не спускалъ съ него глазъ и счастливо улыбался.

– Не могу понять, почему тотъ артистъ, который воняетъ, лучше того, который не воняетъ, – холодно сказалъ Аленинъ и отвернулся.

– Не лучше, а достоинъ любви, высокаго сожалѣнія и почтенія. Искусство – высочайшее проявленіе могущества въ человѣкѣ. Оно – не игрушка, не средство для денегъ и репутаціи, оно дается избраннымъ. Оно поднимаетъ избранника на такую непривычную человѣку высоту, на которой голова кружится и трудно удержаться здравымъ. Искусство есть слѣдствіе неестественнаго напряженія порывовъ, борьбы. Борьба съ Богомъ, вотъ что такое искусство – да. Одинъ офицеръ говорилъ мнѣ, что нѣтъ Севастопольскихъ героевъ, потому что всѣ герои лежатъ тамъ на кладбищѣ. И тутъ, и въ искусствѣ есть на одно[го] уцѣлѣвшаго сотни гибнущихъ героевъ, и судьба ихъ та же. – Вотъ они, эти погибшіе герои! отдавшіеся всѣ своему служенію. Вотъ онъ! Такъ не клеветать его, не сомнѣваться въ немъ, не давать ему милостыню, а любить его и плакать надъ нимъ надо! Вы не сопьетесь, небось, вы книжку объ искусствѣ напишете и камергеромъ будете, – заключилъ онъ, обращаясь снова къ Аленину.

– Зачѣмъ же личности, – остановилъ его Делесовъ, какъ хозяинъ дома, незначшій, какъ замять этотъ разговоръ.

– Да, презирайте его, унижайте, – продолжалъ художникъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, – вотъ онъ оборванный, пьяный, голодный; а изъ всѣхъ насъ онъ лучшій, онъ любимъ, онъ любить, онъ отдался не себѣ, отъ этаго онъ и сумашедшій. Да.

Албертъ съ невыразимымъ блаженствомъ слушалъ художника, хотя совсѣмъ не понималъ его рѣчь. Слезы вдругъ хлынули въ глаза художнику, онъ подавилъ рыданье и отвернулся.

– Вы славный человекъ! – сказалъ вдругъ Албертъ и неожиданно поцѣловалъ художника въ щеку.

– Убирайтесь! Я видѣть его не могу, – проговорилъ художникъ и торопливо вышелъ въ другую комнату.

12.

Между гостями произошло смятеніе. Почтенный гость Аленинъ былъ обиженъ и старался скрыть это. Хозяинъ дома не зналъ, что дѣлать. – Въ первую минуту слова Нехлюдова тронули его; но скоро онъ вспомнилъ свою обязанность хозяина дома и, проклиная и Алберта, и Нехлюдова съ его запальчивостью, подсѣлъ къ почтенному гостю и повелъ разговоръ о общихъ знакомыхъ; но Аленинъ не слушалъ его и, не дождавшись ужина, взялъ шапку и поднялся. Несмотря на уговариванья Делесова, онъ весьма холодно пожалъ ему руку, особенно учтиво, проходя гостиную, включилъ въ одинъ поклонъ Алберта и Нехлюдова и вышелъ. Остальные гости, посидѣвъ немного, тоже скоро разѣхались. Албертъ, надѣвъ свою альмавиву, поплелся за ними. Делесовъ и не подумалъ его удерживать, такъ его занимала и мучала непріятность Нехлюдова съ Аленинымъ, происшедшая у него въ домѣ.

Оставшись одинъ, онъ долго ходилъ по комнатѣ, досадуя на Нехлюдова. Было множество мелкихъ соображеній, по которымъ это дѣло было ему крайне непріятно. И знакомства Аленина, и толки, и положеніе въ свѣтъ, притомъ онъ съдой, имѣеть такую извѣстность, сдѣлалъ мнѣ особую честь, исключеніе, пріѣхавъ ко мнѣ, и вдругъ такая исторія. Да просто нехорошо! Впрочемъ Нехлюдовъ хорошо говорилъ, думалъ онъ. Да зачѣмъ же грубо-то, вотъ что. Всѣ эти господа такіе. И снова онъ повторялъ въ памяти споръ Аленина съ Нехлюдовымъ и воображалъ, какъ бы это вовсе не могло случиться и какъ бы онъ могъ противудѣйствовать этому, сказавъ то-то и то-то и получивъ въ отвѣтъ то-то и то-то. – Потомъ онъ сталъ думать о томъ, какъ замять это дѣло, и послѣ долгихъ соображеній рѣшилъ завтра ѣхать къ одной дамѣ, которая очень дружна съ Аленинымъ, а потомъ нѣсколько разъ сряду быть на его музыкальномъ вечерѣ. –

– Гдѣ-то нашъ нѣмецъ ночевать будетъ? – сказала Захаръ, раздѣвая барина: – даже жалъ стало, какъ всѣ господа съли по каретамъ, а онъ по морозцу въ своей епанчѣ пѣшечкомъ поплелся.

– А холодно на дворѣ? – спросилъ Делесовъ. Ему завтра надо было много ѣздить.

– Страшный морозъ, Дмитрій Ивановичъ. – Скоро еще дровъ купить надо....

Албертъ въ это время, спрятавъ голову въ плечи, бѣжалъ по направленію къ Аннѣ Ивановнѣ, гдѣ онъ надѣялся переночевать нынче.

– Очень, очень хорошо говорилъ, – разсуждалъ онъ самъ съ собою. – Обо мнѣ говорилъ, я понялъ, сейчасъ понялъ. – Горячій молодой человекъ и аристократъ, это видно. Я, когда мы выходили, поцѣловалъ его. Онъ очень, очень мнѣ понравился. Да и хозяинъ славный, славный, угостилъ, такъ что даже совсѣмъ не холодно. Хорошо, что онъ меня не удерживалъ. Я ужъ не могу, только ему непріятно бы было, – разсуждалъ онъ, все ускоряя и ускоряя шагъ и засунувъ руки въ карманы, локтями закутывая свой плащъ. – Теперь Анна Ивановна, вѣрно есть гости, опять я поиграю имъ, танцовать будемъ, будемъ веселиться!....

Съ такими мыслями онъ добѣжалъ до Анны Ивановны, калитка была отперта, нѣсколько саней стояло около нея, и изъ сѣней падалъ свѣтъ на снѣгъ двора. – Такъ и есть, еще есть гости, – подумалъ онъ и постучался. Лицо Анны Ивановны высунулось изъ-за рѣшетки.

– А – это вы, Албертъ!

– Я, моя прелестница, – отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

– Колосовъ тутъ, идите! – отвѣчала Анна Ивановна, съ озабоченнымъ видомъ оглядываясь назадъ и не отвѣчая на улыбку Алберта. Колосовъ былъ извѣстный петербургской богачъ. Албертъ понялъ, что нельзя, пожалъ плечами и еще разъ

улыбнулся.

– Ну до другаго раза, – сказалъ онъ, – прощайте.

– Жалко, что нельзя пустить, онъ не любитъ постороннихъ, – сказала Анна Ивановна, – гдѣ же вы переночуете?

31 – О, у меня мѣсть много, прощайте, – и Альбертъ пошелъ назадъ.

– Куда? – представилось ему. – Э! все равно, только бы спать поскорѣе, къ дворнику на Гороховую. Маршъ, – и онъ побѣжалъ туда.

Дворникъ, завернувшись въ тулупъ, спалъ на лавкѣ у воротъ. – Альбертъ постоялъ, радуясь, посмотрѣлъ на него, какъ онъ славно спитъ, и, не рѣшившись будить, проскользнулъ въ калитку. Тамъ онъ въ темнотѣ, какъ домашній челоуѣкъ, взялъ на право, съ трудомъ отворилъ заостренными пальцами дверь и скрылся въ темной конюшнѣ. Онъ зналъ, что одно стояло пустое, прошелъ туда и легъ, отдуваясь. Въ навозномъ пару было почти тепло. Онъ завернулся съ головой въ плащъ и сказалъ себѣ: – Теперь славно! Спать! – Но какъ и у всѣхъ, прежде чѣмъ заснуть, въ головѣ его стали появляться воспоминанія о прошедшемъ, мечты о будущемъ и еще Богъ знаетъ какіе отрывки жизни, перебивающіе однѣ другія. –

– Ого-го! Какъ онъ поклонился, – думалъ онъ объ Аленинѣ, – строго и величественно. Это хорошо. Я это люблю. Они думаютъ, что я не замѣчаю; нѣтъ, я все замѣчаю. Что ежели бы мнѣ когда-нибудь встрѣтиться съ какимъ-нибудь принцомъ инкогнито, я бы узналъ его, я бы умѣлъ съ нимъ обойтись, я бы ему такъ сказалъ: Милостивой Государь, я люблю людей царской крови, пьемъ за ихъ здоровье. А потомъ еще и еще и игралъ бы ему. А онъ бы сказалъ: люблю артистовъ, вотъ вамъ 2 миліона съ половиной. О, какъ бы я умѣлъ поступить съ ними. Меньше я не взялъ бы. Я бы купилъ виллу въ Италіи. – Тутъ ему представилась декорація петербургской оперы, представлявшей виллу ночью. – Луна бы была и море. Я сижу на берегу съ Еленой Миллеръ, и дѣти тутъ бѣгаютъ. Нѣтъ, не надо дѣтей? Зачѣмъ дѣти матери? У всѣхъ насъ одинъ отецъ – Богъ. Ну, и сидѣлъ бы я съ ней, держалъ бы ее за руку и цѣловалъ и потомъ запѣлъ бы. – Тутъ въ головѣ его запѣла серенада Донъ-Жуана. – Она бы упала мнѣ на грудь и заплакала. Но вдругъ страшный акордъ и двѣ расходящіяся хроматическія гаммы, впадающія въ еще болѣе страшный акордъ. Буря, бѣгутъ въ красныхъ плащахъ вооруженные люди отнять ее. Нѣтъ! Я говорю ей: спи спокойно. Я! и все пройдетъ, и поетъ мягкая, легкая, веселая мелодія, ее подхватываютъ хоромъ дѣвицы въ бѣленькихъ юбочкахъ съ голубыми лентами и большими косами, а мы ходимъ, и мелодія все поетъ и поетъ, расходится шире и шире. – Въ сараѣ слышался звукъ катящихся экипажей, и изъ этаго звука въ головѣ его составлялись мелодіи одна прелестнѣе другой, которыя пѣли то голоса, то хоры, то скрипки, то весь оркестръ. Мелодія принимала все болѣе и болѣе строгой характеръ и перешла наконецъ въ мужской стройный и медленный надгробный хоръ.

– Смерть! – подумалъ онъ: – идетъ, подвигается тихими, мѣрными шагами и все, все блѣднѣетъ, всѣ радости исчезаютъ и въ замѣнъ мелкихъ многихъ радостей открывается что-то одно цѣлое, блестящее и громадное.

– Туда, туда. Скорѣе надо. Сколько тутъ нужно помнить, дѣлать, сколько нужно знать вещей, а я ничего не знаю. И чтожъ, хоть я и счастливъ? Меня любятъ, я люблю, никто мнѣ не вредитъ, я никому не врежу, но туда, туда. Нѣтъ и не можетъ быть здѣсь того счастья, которое я могу перенести и которое я знаю, нѣтъ этаго счастья ни у кого. А немножко меньше, немножко больше, развѣ не все равно. Все на такое короткое время. Не то что-то на этомъ свѣтѣ, не то, совсѣмъ не то, что надо. Вотъ тамъ, въ Италіи, на берегу моря, гдѣ апельсины и гдѣ она моя и я наслаждаюсь ею. Будетъ это время, даже оно теперь начинаетъ быть, я чувствую. Идетъ, идетъ что-то, ужъ близко. Смерть, можетъ быть... тѣмъ лучше. Иди! Вотъ она! – Больше онъ ничего не думалъ и не чувствовалъ. Это была не смерть, а сладкой спокойный сонъ, который далъ ему на время лучшее благо міра – полное забвеніе.32

Гр. Л. Н. Толстой.

5 Октября

Ясная Поляна.

Комментарии Н. М. Мендельсона
АЛЬБЕРТ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Зимой 1856/57 гг. Толстой, как это видно из его Дневников, особенно сильно увлекался искусством и много размышлял о нем. Он часто слушал музыку: и в опере, и в концертах, и в частных домах. Он вел эстетические беседы с В. П. Боткиным (например, на тему, представляет ли себе поэт читателя или нет. Дневник, 17 ноября 1856 г.). Ему хочется поскорее расстаться с журналами, чтобы писать так, как он теперь начинает думать об искусстве – «ужасно высоко и чисто». (Дневник, 23 ноября 1856 г.) Ему нравятся статьи Белинского о Пушкине. Он рыдает «беспричинными, но блаженными поэтическими слезами» от стихов Пушкина, прочтенных ему Панаевым (Дневник, 4 января, 1857 г.).

В это-то время обостренно-повышенного интереса Толстого к искусству он встретился с человеком, который произвел на него сильное впечатление и послужил толчком к созданию «Альберта».

5 января 1857 г. в Дневнике Толстого записано: ...«поехал в б[ардель]. Грустное впечатление. Скрипач». Через день, 7 января, Дневник называет скрипача по имени и говорит о возникшем художественном замысле: «История Кизеветтера подмывает меня».

В работе В. И. Срезневского, 33 на основании документов из архива б. императорских театров, даны сведения о скрипаче Георге Кизеветтере, Ганноверском уроженце, уволенном после десятилетней службы в оркестре петербургской оперы, и показано, что данные формуляра Кизеветтера очень сходны с тем, что говорит Толстой о своем скрипаче в первой редакции повести.

8 и 10 января, перед самым отъездом Толстого в Москву, Кизеветтер был у него в доме. Запись 8 января говорит о новом знакомом Толстого: «Он умен, гениален и здрав. Он гениальный юродивый. Играл прелестно». Впечатления от Кизеветтера 10 января колеблются: «Пришел Кизеветтер, – ужасно пьян. Играл плохо». Возвратившись вечером от знакомых, где, между прочим, «генерал кричал при музыке», Толстой записывает: «Кизеветтер спящий, – труп... Кизеветтер глубоко тронул меня».

По дороге в Москву и приехав туда, Толстой все время переживает встречу с «гениальным юродивым».

12 января он записывает в Дневнике: «Три поэта: Жемчужников, 34 есть сила выражения, искра мала, пьет из других. 2) Кизеветтер, огонь и нет силы. Я) Художник ценит и того, и другого и говорит, что сгорел». В тот же день, перечисляя, что он должен «писать не останавливаясь каждый день», Толстой, на ряду с другими пятью произведениями, упоминает и «П[ропащего]».

Толстой, несомненно, на пороге к тому, чтоб начать работать над повестью: у него уже есть заглавие для нее, а следующие слова, занесенные в Дневник того же 12 января, могут быть рассматриваемы и как отметка о действительно бывшем факте, и как первоначальная литературная обработка этого факта для предполагаемой повести. Толстой пишет: «Русский добросовестный художник в конце злится на того, который видит притворство, и на Жемчуж[никова] и говорит: тот, кого мы видим в соплях, царь и велик, он сгорел, а ты не сгоришь. Говорят, Севастоп[ольские] герои все там, а здесь герои не все. Дар огромный, надо осторожно обращаться с ним, сожжешь других и себя, и сам заплакал при барышне». В XIII гл. I ред. повести и в XI гл. III ред., в речах художника и Нехлюдова, почти буквально повторяются слова «добросовестного художника» из Дневника.

Такой же характер носит запись под 26 января: «Он рассказывает свою историю и ночь в театре, которая его потревожила в рассудке. – Он боится всех и стыдится – виноват. – Он запутался в жизни, так что боится возвратиться, одно спасенье забыться. В то время, как он пробует, он рассказывает историю. Последний вечер, художник видит его с поэтической точки. Другой – подозревает его. Я прошу его опомниться. – Нет, прекрасно. wie schön!». 35

29 января, в день выезда за границу, Толстой отмечает: «Я недоволюсь самостоятелен, однако обдумал много Пропащего».

3 февраля ему «кажется, что Пропаший совсем готов», а 10/22 февраля он пишет В. П. Боткину из Парижа: «Этот же месяц надеюсь здесь кончить Кизеветтера, который в продолжение дороги так вырос, что уже кажется не по силам. Авось к Апрельской книжке поспеет».36

Едва ли можно согласиться с тем, что работа над повестью, еще до приезда в Париж, была «действительным писаньем», и что Толстой еще в Москве читал приятелям первый его набросок, как предполагает В. И. Срезневский в упомянутой статье о Георге Кизеветтере (в более раннем комментарии к цитированному письму на имя Боткина он держится другого мнения). Говоря, что „«Пропаший» совсем готов“, Толстой мог разуместь окончание предварительной, внутренней работы над повестью и так же мыслить начало своего труда, когда сообщал Боткину о надежде скоро кончить повесть за границей.

После неоднократных упоминаний о работе над «Пропашим» за границей, Толстой, будучи в Дижоне, записывает в Дневнике под : «Кончил набрасыванье Пропашего, – что выйдет, не знаю. Не нравится».

Не понравилась повесть и Тургеневу, которому автор прочел ее на другой день: «он остался холоден», отмечает Толстой.

Прочтенное Тургеневу – текст автографа, описываемого нами далее (1), представляющий первую редакцию повести.

5 апреля, в Париже, повесть появляется в Дневнике Толстого под новым заглавием: «Немного пописал Повреж[денного]». Работа была прервана тяжелыми впечатлениями смертной казни, при которой Толстой присутствовал, и скорым отъездом в Швейцарию.

6 мая, уже в Швейцарии, повесть упоминается вновь: «Перечел Кизеветтера. Хорошо».

Одобрительный отзыв относился, вероятно, к замыслу повести, а не к его выполнению, потому что 7 мая читаем: «Немного пописал Повреж[денного] опять сначала».

Неоднократные заметки дневника за май и июнь говорят об очень напряженной работе, а под 24 июня Толстой записывает: «Читал Боткину Поврежденного. Действительно, это плохо».

За отсутствием данных трудно решить, читал ли Толстой Боткину повесть, доведенную до конца, или только часть ее. Мы предполагаем последнее и считаем, что читанное Боткину – текст автографа (2), описанного ниже, представляющий вторую, незаконченную редакцию повести.

Через три дня после чтения Боткину, 27 июня, повесть появляется в Дневнике опять с новым заглавием: «Немного пописал Погибш[его]».

До возвращения в Россию (11 августа нов. ст.) работа над «Погибшим» шла урывками, перебивалась писанием «Отъезжого поля», «Люцерна». Не сразу принялся Толстой за него и в России. Лишь 6 сентября, почти через месяц после приезда в Ясную поляну, встречается упоминание о «Погибшем», если не считать, что к нему же относится запись 16 августа: «Лень писать с подробностями, хотелось бы всё писать огненными чертами».

До 14 сентября было написано пять глав «Погибшего». В этот день в Ефремове, куда Толстой ездил на конскую ярмарку, он занес в Записную книжку: «Что вспомнил Д[елесов] при вальсе. Как танцевал в поту и поцаловал. Старик, – для него всё голо, а прежде и дерево, и облако, вокруг них всё было поэзия».

Запись в Дневнике, сделанная на следующий день, дополняет и поясняет эту заметку. – «Бросился писать и написал отличные 4 листика горячие».

Это – лл. 11–18 автографа 3, составившие 3-ю главу и заставившие переделать и пагинацию, и цифры, ранее обозначавшие главы 3, 4 и 5.

18 сентября настроение падает: «Писал довольно много, но вся вещь плохая.

Хочется свалить ее поскорее».

20 сентября «работалось хорошо», 22 – «писал довольно, но решительно плохо». Таков же отзыв и в суммарной записи Дневника под 25–28 сентября.

Как показывает дата под автографом 3, 5 октября, в Ясной Поляне, третья редакция повести была закончена.

Но автограф 3 может быть назван третьей редакцией повести лишь с некоторыми оговорками.

Уже на другой день после заключительной даты 3 автографа, 6 октября, Толстой отмечает в Дневнике, что „«обдумал окончательную отделку «Погибшего»“. Она не замедлила начаться, и несомненно, что для нее Толстой собрал отдельные листки, относившиеся к работе над последней третью повести после прочтения Боткину первых двух ее третей. Рукопись, благодаря этому, не говоря уже о «4 листиках горячих», получилась сборная. Это подтверждается и разнообразием бумаги, и переборами в наименовании некоторых лиц повести (см. ниже описание рукописей «Альберта» и сравнение их с печатным текстом). Следы «отделки» ясно видны на автографе 3: исправления, вычеркивания, вписывания между строк и на полях, написанные другими чернилами, чем основной текст, крестики, обозначающие, как мы предполагаем, места вставок на отдельных листках. Таких вставок предполагалось довольно много, но сохранилось лишь две. Одна – лист 33 автографа 3, снабженный крестиком, по бумаге отличающийся от соседящих с ним предыдущих и последующих листов и введенный в текст повести, другая – 2 лл. автографа 4 Б.

Таким образом, являясь, с некоторыми оговорками, в основе своей третьей редакцией повести, автограф 3 в то же время служит переходом к четвертой редакции, полностью нам неизвестной.

Ее фрагментами являются автографы 4 А, Б и В, а также листы писарской копии и гранки до внесения в них авторских исправлений и вставок.

Работа над повестью продолжалась в Москве и Петербурге, где Толстой был с 17 по 30 октября.

23 ноября повесть была прочтена автором С. Т. Аксакову. «Кажется, понравилась старику», отмечает Толстой, а через два дня записывает, что «кончил работу», и что «вся вторая половина слаба».

Приблизительно к тому же времени надо отнести не датированное письмо Толстого к Некрасову, где он сообщает, что «к 26-му» придет Погибшего, повесть листа в 3, которой начинает быть доволен.³⁷

26 ноября, как отмечает Дневник, повесть (уже в IV ред.) была послана Некрасову. Очевидно, накануне было написано письмо к Некрасову, в котором Толстой выражал желание «пересмотреть все корректуры». «Ежели только это возможно по времени, – пишет Толстой, – то высылайте или вышлите их мне. Но корректуры 8 и 9 отдела непременно пришлите и скажите ваше мнение насчет их. Я ими недоволен. Я теперь занялся этой вещью преимущественно, чтобы сбить ее с рук – она загоразивала другие – но занявшись ею опять, серьезно увлекся и мне кажется, что есть места не дурные. Об отделе 11-м тоже скажите свое мнение, он мне не нравится».³⁸

Едва повесть была отослана, Толстой забеспокоился, так как «вспомнил много небольших, но необходимых исправлений. Главный вопрос: будете ли вы или нет печатать Погибшего в Декабре? – спрашивал он Некрасова. – Ежели да, то успею ли я исправить его по корректурам в Москве. Ежели не успею, а вам нужно печатать теперь, то уж я приеду в Петербург. – Необходимейшие исправления во второй половине; поэтому не велите отпечатывать ее в листы без исправлений... Извините пожалуйста за эти хлопоты, я сам ужасно раскаиваюсь в том, что послал вам вещь в таком ужасно-невозможном виде».³⁹

30 ноября, как увидим ниже, Толстой просил Некрасова вернуть ему повесть обратно, а в промежуток времени между 26 и 30 ноября написано было неотправленное письмо Некрасову, от которого сохранилось лишь начало, содержащее указания на ряд исправлений в повести (автограф 5).

Появление повести в декабрьской книжке «Современника» не состоялось: вероятно,

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

она уже запоздала для нее. Но ее набрали, Некрасов ее прочел и «по долгу совести» написал автору 16 декабря 1857 г., что она не хороша. «Главная вина вашей неудачи, – писал Некрасов, – в неудачном выборе сюжета, который, не говоря о том, что весьма избит, труден почти до невозможности и неблагодарен... Как Вы там себе ни смотрите на Вашего героя, а читателю поминутно кажется, что вашему герою с его любовью и хорошо устроенным внутренним миром – нужен доктор, а искусству с ним делать нечего». Впрочем, окончательное решение Некрасов предоставлял Толстому.⁴⁰

В сущности, это был замаскированный отказ, и так, видимо, понимал дело и сам Некрасов. 25 декабря он писал Тургеневу: Толстой «прислал такую вещь, что пришлось ему ее возвратить».⁴¹

18 декабря Толстой благодарил Некрасова за искренно выраженное мнение, с которым он, однако, несогласен. «Печатать ее (повесть) теперь нельзя; потому что как я писал вам, надо в ней исправить и изменить многое. 30 числа я еще просил вас прислать мне ее назад.⁴² Напрасно вы не прислали. – Что это не повесть описательная, а исключительная, которая по своему смыслу вся должна стоять на психологических и лирических местах и потому не должна и не может нравиться большинству, в этом нет сомнения; но в какой степени исполнена задача, это другой вопрос... Пришлите мне только пожалуйста рукопись или корректуры, чтобы пока свежо еще исправить что нужно и спрятать всё подальше».⁴³

Корректуры были возвращены, и, вероятно, в середине декабря Толстой принялся за поправки. Под 16–26 этого месяца повесть упоминается в дневнике под новым, уже четвертым заглавием: «Переправка Музыканта. Не печатаю».

Судя по исправлениям, которые сделаны в сохранившихся последних гранках, Толстой приводил в исполнение то, о чем писал в неотправленном письме к Некрасову. Художник Бирюзовский всюду тщательно удален и заменен Делесовым. Этот последний, а не Бирюзовский, как было первоначально в гранках, произносит длинную речь – апологию Альберта.

21 января 1858 г. Толстой пишет Некрасову: «Повесть свою спрятал, но придумал еще в ней переделки, которые сообщу вам когда-нибудь, когда будем вместе».⁴⁴

17 февраля он извещает Некрасова, что пришлет «две штуки на выбор; из коих одна есть тот же несчастный всеми забракованный музыкант, от которого я не мог отстать и еще переделал».⁴⁵

Не рассчитывая попасть в мартовскую книжку, Толстой 26 февраля сообщает Некрасову, что в марте надеется с ним увидаться и прочесть ему повесть.⁴⁶

Судя по Дневникам, работа над «Музыкантом» продолжалась до 11 марта, а отдан он был Некрасову, вероятно, между 12 и 17 марта, когда Толстой был в Петербурге.

Надо предполагать, что «Музыкант» назначался для апрельской книжки, и что именно об этой повести сообщал Некрасов Толстому 3 апреля, что ее «задержал по глупости» цензор «Современника».⁴⁷

Наконец, в 8 книге «Современника» за 1858 г. повесть Толстого появилась под заглавием «Альберт», – пятым по счету.

В каком виде она была отдана в редакцию, какие поправки были сделаны Толстым во время печатания, – мы не знаем.

Отметив главные моменты в истории написания «Альберта», следует указать, что заключительный эпизод повести (бредовые видения музыканта) некоторыми исследователями ставится в связь с отрывком «Сон», над которым, по указанию дневника, Толстой начал работать 24 ноября 1857 г. и вторую редакцию которого поместил в письме к В. П. Боткину от 4 января 1858 г.⁴⁸ По мнению И. Р. Эйгеса, «Сон», возникший как самостоятельное произведение, был затем слит с концом «Альберта».⁴⁹ Б. М. Эйхенбаум полагает, что «Сон» стилистически восходит к «Альберту», и что финал последнего – один из вариантов «Сна».⁵⁰

Текст «Сна» и комментарии к нему не входят в настоящий том, так как последняя редакция отрывка, предназначавшаяся для печати, относится к 1863 г. Поэтому ограничиваемся здесь только что сказанным, отмечая, что и в 1857–58 гг., в

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
разгар работы над «Альбертом», и в 1863 г., когда настроения эпохи «Альберта» были уже давно пройденной ступенью, Толстой считал «Сон» совершенно самостоятельным произведением.

«Альберт» был напечатан в «Современнике» довольно небрежно: с рядом явных опечаток, странным употреблением курсива в четырех местах, а в самом конце повести со столь небрежной пунктуацией, что она затрудняет чтение.

Издание Стелловского повторило, с двумя опечатками, журнальный текст. Следующие издания исправили некоторые из опечаток «Современника», но внесли новые, а главное – стерли некоторые архаизмы языка Толстого. Наиболее исправный текст дало впервые 6-е изд. (1886 г.).

В настоящем издании дан текст «Современника» со следующими отменами:

Стр. 28, строка 3 сн.

Вместо: со всего росту – в «Совр.».: со всего росту. Считаю курсив за недосмотр и исправляю.

Стр. 30, строка 3 св.

Вместо: чуднде – в «Совр.»: чудное. Берем написание, облегчающее чтение и впервые появившееся в 5 изд. соч. (1886 г.)

Стр. 31, строка 14 св.

Вместо: своему делу – в «Совр.»: своему долгу. Считаю последнее написание опечаткой и исправляю.

Стр. 35, строка 19 св.

Вместо: «Меланхолии» – в «Совр.»: «меланхолии». Исправляю несомненную опечатку.

Стр. 35, строка 10 св.

Вместо: великодушное – в «Совр.»: великодушное. Считаю курсив за недосмотр и исправляю.

Стр. 36, строка 8 св.

Вместо: как одинокий холостяк – в «Совр.»: как одинокий холостяк. Исправляю курсив, считая его за недосмотр.

Стр. 39, строка 11 св.

Вместо: Chopin – в «Совр.»: Chopin. Считаю курсив за недосмотр и исправляю.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ И ГРАНОК, ОТНОСЯЩИХСЯ К «АЛЬБЕРТУ».

Все дошедшие до нас материалы, относящиеся к длинной и сложной истории создания «Альберта», хранятся в Толстовском кабинете Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина и сводятся к следующему:

1. (Папка III.) Автограф, состоящий из 29 лл. заграничной тонкой, слегка глянцевиной почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков и клейм. Первые 8 лл. желтоватого цвета, остальные – бледно-синего. Чернила на первых 8 лл. коричневатые, в начале 9 л. – синие, на остальных черные. Черными же чернилами сделаны поправки и вставки на полях, особенно многочисленные на лл. 1, 2, 3, 4 об., 6 об. и 8 об. Поля в пол-листа справа. Авторская пагинация на полях, сверху каждого почтового листа. Заглавия нет, и текст первого листа начинается немного отступя от верхнего края, – как будто с целью оставить место для заглавия. Начало: «Въ 4-мъ часу ночи зимой пятеро молодыхъ людей». – В конце: «28 февраля 1857. Дижонъ». Ниже даты три неоконченных, сделанных чернилами, наброска мужской головы в профиль. На наиболее законченном рисунке голова, как будто, с длинными волосами и резко очерченным большим подбородком.

Текст, разделенный на 14 глав, неполон: нет конца IV главы и почти всей V, от которой вверху 9 л. сохранилось 15 строк. Нет также конца VI и начала VII главы,

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

так как оторваны две страницы с текстом, что видно по уцелевшему клочку внизу. Из автографа 1 печатается отрывок II главы (см. вариант № 1).

2. (п. III.) Автограф, состоящий из 18 лл. белой заграничной почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков и клейм. Первые 6 лл. (л. 6 об. – чистый) писаны не на отдельных почтовых листах, а на трех вложенных друг в друга. Чернила коричневатые. Полей нет. Авторская пагинация отсутствует. Заглавие – Поврежденный. Под заглавием, справа, эпитафия:

Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
Пушкинъ

Концы первых двух строк эпитафия слегка оторваны. Начало: «Надъ Петербургомъ стояла пасмурная морозная ночь».

Текст неполный. На 6 л. только три строки, заканчивающие IV главу, и полторы строки начала V. 7-й л. начат с середины рассказа, и по содержанию видно, что здесь идет продолжение VI главы. С этими пропусками изложение охватывает 10 глав. XI глава только обозначена цифрой, приблизительно на середине страницы, текста же нет.

3. (п. III.) Автограф на 48 лл. бумаги одинакового формата, приближающегося к формату малой почтовой бумаги, но разных сортов. Первые 6 лл. писаны на заграничной тонкой белой бумаге, без водяных знаков и клейм. Лл. 7–24 и 34–48 – на более плотной белой, частью глянцевитой, частью слегка шероховатой бумаге. На лл. 8, 15 и 22 клеймо – скачущий всадник, на лл. 12–14 – восьмиугольное клеймо с обозначением фабрики Рейнера. Лл. 25–32 писаны на заграничной тонкой, почти прозрачной светло-синей бумаге без водяных знаков и клейма. Л. 33 – на заграничной тонкой серой бумаге без водяных знаков и клейма. Вся рукопись писана черными чернилами, кроме лл. 41 об., 42, 43 и десяти строк л. 44, где чернила коричневатые. Поправки на всем протяжении рукописи сделаны более густыми черными чернилами, ясно отличающимися от тех, которыми писан основной текст. Небольшие поля справа. Авторская пагинация с листа 1 по 32 включительно. Цифры на лл. 11–18 исправлены соответственно из 7–14, благодаря позднейшей вставке четырех листов после 6 л. В связи с этим – изменения цифр, обозначающих главы: 3 переделано на 4, 4 на 5, 5 на 6. Обозначение остальных глав без поправок. Заглавие – Погибший. Рядом, рукой Толстого, но карандашом: Альбертъ, – надпись очень поздняя, быть может, относящаяся к заключительному моменту работы над повестью. За это говорит и почерк, и написание имени героя с ь, тогда как вплоть до корректуры, относящейся ко времени первой неудавшейся попытки напечатать повесть, Толстой неизменно писал: Албертъ. Под заглавием справа зачеркнутый эпитафия из Пушкина, – тот же, что в автографе 2-м, причем вместо «вдохновенья» – «вдохновеній». Начало: «Пять человекъ богатыхъ и здоровыхъ людей». В конце – «5 Октября Ясная Поляна» и подпись: «Гр. Л. Н. Толстой». Количество поправок, вставок и вычеркиваний – значительно большее, чем в первых двух автографах. Некоторые вычеркнутые места (довольно значительные по размеру) потом восстановлены путем штрихового, зигзагообразного уничтожения расположенных крест-накрест перечеркивающих линий. На полях – заметки с указанием на характер дальнейших исправлений и – довольно часто – крестики, как будто указывающие на предполагаемые вставки.

Текст полный, разделен на 12 глав.

Из автографа 3 печатаются: а) III глава целиком; б) вставленный при дальнейшей работе над рукописью л. 33, относящийся к VI главе; в) весь конец рукописи (см. варианты № 2, 3 и 4). Вариант № 2 и незначительная часть варианта № 4, именно гл. XI, были уже напечатаны в работе В. И. Срезневского «Георг Кизеветтер, скрипач Петербургских театров (к истории творчества Л. Н. Толстого) 1857–1858», в книге «Толстой. 1850–1860. Материалы. Статьи. Труды Толстовского музея Академии наук СССР», стр. 54–57 и 67–72.

4. (п. III.) Автограф, состоящий из 8 разрозненных черновых листов, относящихся, по видимому, к работе над вариантами к предыдущему, третьему очерку повести.

Здесь мы имеем:

А. 5 лл. связного текста, писанного на четвертушках русской белой плотной писчей

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
бумаги. Водяных знаков нет. На л. 4 об. клеймо: «Троицк. фабр. Говарда. № 834». Полей нет. Чернила черные.

Рукопись дает последние слова VII главы и VIII гл. целиком, о чем свидетельствует и проведенная под последними словами жирная черта.

Б. 2 лл. заграничной почтовой тонкой серой бумаги малого формата без водяных знаков и клейм. Небольшие поля. Чернила черные. По содержанию относится к V гл. автографа 3.

В. Четвертушка русской белой плотной бумаги без водяного знака и клейма. Небольшие поля слева. Чернила черные. Содержит заключительные строки повести, подписанные: «Гр. Л. Н. Толстой», с указанием даты и места: «Дижонь, 28 февраля». Хотя датировка частично отсылает к автографу 1, данный вариант конца повести писался уже не ранее, как к автографу 3: герой назван Алберт, тогда как в первом и втором очерках повести его имя Вольфганг.

5. (П. III.) Автограф, состоящий из полулиста плотной белой почтовой бумаги малого формата с вытисненными в левом верхнем углу французскими инициалами L. T. и графской короной над ними. Начало письма к Некрасову, содержащего варианты и исправления для конца IX гл., X и XI в III ред.

6. (П. III.) Корректирный лист. Неразрезанные четыре гранки, из которых последняя имеет текст и на обороте, содержащие заключительные главы повести (конец X, XI и XII). Многочисленные поправки, вычеркивания и вставки рукой Толстого. В конце подпись: – «Гр. Л. Н. Толстой» и дата «Дижонь. 28 февраля 1857 Г.»

7. (П. III.) 11 лл. писарской разрозненной копии. Писаны на русской плотной писчей бумаге размером в лист без водяных знаков и клейм. Поля в пол-листа. Рукой Толстого сделано несколько поправок и две довольно больших вставки на полях.

Лл. 1–4 – вариант части V гл. из автографа 3-го. Лл. 5–7 – вариант части VIII гл., а лл. 8–11 – вариант части IX и X гл. того же автографа.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР ТЕКСТА ВСЕХ РЕДАКЦИЙ «АЛЬБЕРТА».

В I ред. повести, не сохранившейся целиком, главное действующее лицо носит имя Вольфганг. Иные имена и у остальных действующих лиц, кроме Анны Ивановны и Захара. Ночную кутящую компанию составляют офицер Дулов, Серапин, француз M-eur Meurice, безымянный художник и Крапивин – литератор и поэт. Художник отделяется от компании после выхода из ресторана, перед поездкой к Анне Ивановне. Берет к себе музыканта Крапивин.

По сравнению с печатным текстом обращает внимание резко подчеркнутый контраст между детски-простодушным, высоко-одаренным Вольфгангом и всё время рефлектирующим Крапивиным, который только мнит себя поэтом, слишком много рассуждает, в частности – об искусстве.

Таков Крапивин по дороге к Анне Ивановне, когда он рассуждает о самом себе и делает попытку создать стихотворение (см. вариант № 1), таков он на «балике», когда не может отделиться непосредственному веселью, таков и в многочисленных рассказах о встрече и знакомстве с Вольфгангом: он рассказывает, прибавляя «много соображений, которые он чувствовал с удовольствием, могли выходить только из его поэтической природы», и постепенно впечатление от игры Вольфганга всё более и более сглаживается у Крапивина, заменяясь «впечатлительным собственным рассказом».

Самое начало повести как будто указывает, что центром дальнейшего повествования будет характеристика подлинного, бессознательного служителя искусства и человека ему противоположного.

В печатном тексте дело сразу начинается на «петербургском балике» у Анны Ивановны. В первом же очерке повести автор показывает, о чем беседовали молодые люди в трактире за стаканом вина. Это был разговор об искусстве. Серапин, спускаясь к карете, говорит: «Я не знаю, как это у вас еще с поэзией бывает, когда вы одни, но нынче ты с своим художником такую тоску на всех нагнал с своими спорами об искусстве и чорт знает что, что я чуть не заснул». А

Крапивин, продолжая начатый в трактире разговор, произносит: «отъ того, что ежели бы оно было безсознательно, то не стоило бы никакого труда».

Образ Вольфганга, в общем, близок образу Альберта, и его разговоры об искусстве в X гл. I ред. и V гл. печатного текста почти тождественны. Но одна композиционная особенность I ред., не меняя психологической сущности образа Вольфганга, отличает его несколько от образа Альберта. Крапивин узнает о любви музыканта к дочери купца-немца, о его ночах в пустом театре не от него самого, а от бывших его сослуживцев по оперному оркестру, с которыми встретился на музыкальном вечере у знакомых, – причем это дает повод Толстому вновь подчеркнуть чисто книжную, напускную поэтичность Крапивина: «Ахъ, какая поэтическая личность, замѣтилъ Крапивинъ, задумчиво покачивая головой, это гофмановскія ночи въ пустомъ театрѣ и онъ вѣрно игралъ тамъ на скрипкѣ».

Апология музыканта, в оконч. ред. включенная в бредовые видения Альберта в виде сравнительно небольшой речи художника Петрова и возражений Делесова, в первом очерке занимает отдельную XIII гл., сплошь занятую длинной речью художника, которая в основном почти тождественна с соответствующим местом III ред.

XIV, заключительная, глава изложена в виде очень краткого, спешно набросанного конспекта, местами с трудом поддающегося прочтению. Вольфганг засыпает в конюшне, куда он попал, уйдя от Крапивина, сделав тщетную попытку попасть к Анне Ивановне. Перед тем как погрузиться в «спокойное сновидѣніе, которое оттолкнуло отъ него до утра чувство сознанія», он переживает все свое прошлое.

В этой главе обращает на себя внимание обилие аннотаций на полях. Две из них должны быть отмечены по связи с III ред. повести: 1. «Этотъ міръ – не то,» 2. «Красота на томъ свѣтѣ».

Во II ред., дошедшей до нас в еще менее цельном виде, чем I, главное действующее лицо опять носит имя Вольфганга. Место Крапивина из I ред. занимает чиновник писатель Седьмый (то Михаил Иванович, то Дмитрий Иванович). Его компанию составляют сын министра, богач Акимов, офицер князь Куракин и художник Делесов.

Здесь Вольфгангу, образ которого в общем тождествен с зарисовкой его в I ред., противопоставляются два лица: Делесов и Седьмый. Но они контрастны Вольфгангу не своей рефлексией и рассудочностью, как Крапивин, а тем, что Делесов спасается в искусстве от «всѣхъ жизненныхъ противорѣчій», а Седьмый – своим спокойствием, которое не расстраивается ни его поэтическими стремлениями, ни минутами грусти и усталости.

Ночная компания едет в публичный дом не после трактирных разговоров об искусстве, а после вечера, проведенного у знакомых, где беседа, кроме живописи и поэзии, шла о добродетели, о тяжелом положении России, о средствах помочь ей. Отвечая на вопрос, зачем они едут, Толстой говорит: «Въ сущности, всѣ они искали и не могли найти одного лучшаго наслажденія в жизни – самозабвенія».

Характеристика рассказов Седьмого о Вольфганге очень близка к соответственному месту I ред. Как и в I ред., о прошлом Альберта рассказывают его товарищи музыканты. Их рассказ – в X, последней сохранившейся, гл. II ред.

В III ред. повести, называемой так с некоторыми ограничениями, но сохранившейся целиком и заключающей в себе 12 глав, герой впервые назван Альбертом, хотя в самом начале вар. 4 герою грезится, что любимая девушка зовет его Францем. Следует отметить также, что сборная рукопись дает колебания в имени и самом образе женщины, в которую был влюблен Альберт. То это – «особа», судя по намекам, очень высокопоставленная, то это – дочь коммерсанта, называемая в одном месте «дѣвицей Малеръ», в другом – «Еленой Миллеръ».

Альберта берет к себе Делесов. Другие лица – сын министра, знаток музыки Аленин, модный пианист француз Пишо и художник Бирюзовский, в конце рассказа переименованный в Нехлюдова.

Общий замысел повести, по сравнению с предыдущими редакциями, несколько изменился. Вопрос о том или ином отношении к искусству, о его служителях, осложнился вопросом моральным, – о праве одного человека посягать на внутренний мир другого, даже в том случае, если посягающий искренно считает внутренний мир другого человека «неблагоустроеннымъ» и исходит в своей попытке из велений

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
собственного «благоустроенного» мира.

Текст III ред. довольно близок к печатному, как видно из следующего сопоставления глав.

I и II гл. рукописи очень немногим отличаются от печатного текста.

III гл. рукописи нет в печатном тексте: это «4 листика горячие», вставленные после поездки в Ефремов.

IV гл. рукописи, соответствующая III гл. печатного текста, очень близка к ней.

V гл. рукописи соответствует началу IV гл. печатного текста (до слов: «Возвратившись домой поздно вечером»), но в последнем отсутствует описание делового дня Делесова, его визитов; нет его рассказов знакомым про Альберта, беседы с музыкантами, от которых он узнает про историю любви Альберта, про его чудачества. Две аннотации карандашом: первая на полях л. 16 об. – «быль влюблень и въ мальчика», вторая на полях л. 16 об.: «показывает письмо, любовь къ знат[ной] особъ».

VI гл. рукописи дает слияние приблизительно двух третей IV гл. печатного текста (со слов: «Возвратившись домой поздно вечером») и V гл. печатного текста, однако, с некоторыми отличиями. Думы Делесова об Альберте в постели пространнее. Нет разговора о художнике Петрове. Значительно разнится от печатного текста рассказ Альберта о своей любви и о ночах в театре (см. вариант № 3). Отсутствует в рукописи одна очень характерная для образа Альберта деталь: немецкие цитаты, вложенные в его уста Толстым при окончательной обработке рассказа.

В гл. V, стр. 42, строки 1 – 2 сн., Альберт поет:

Und wenn die wolken sie verhüllen,
Die sonne bleibt doch ewig klar⁵¹
и «прибавляет», немного спустя (стр. 43, строка 3 св.):

Ich auch habe gelebt und genossen.⁵²
Первая цитата – не совсем точно переданные начальные строки каватины Агаты из оперы «Фрейшюц», музыка Вебера, либретто Фридриха Кинда. Точный текст таков:

Und ob die wolke sie verhülle,
Die sonne bleibt am himmelszelt.⁵³
Впрочем, быть может, в оперной практике конец второй строки пели так же, как его поет Альберт: в этом последнем виде он гораздо удобнее для пения, чем в подлинном, со скоплением согласных.

Вторая цитата – несомненные реминисценции из песен Шуберта на слова Шиллера:

В «Thecla (eine Geisterstimme)»⁵⁴ первая строфа оканчивается так:

Hab' ich nicht beschlossen und geendet,
Hab' ich nicht geliebet und gelebt?⁵⁵
В «Mädchens Klage»,⁵⁶ – песне, которая пользовалась у нас особенной популярностью, – заключительные строки второй строфы таковы:

Ich habe genossen das irdische Glück,
Ich habe gelebt und geliebet.⁵⁷

III гл. рукописи лишь частично соответствует II гл. печатного текста. Делесов не отпускает Альберта, а откладывает решение до следующего дня. Он думает, что Альберт спит, но это не так: музыкант размышляет всю ночь напролет.

Начиная с этого места и до конца автограф 3 совершенно расходится с печатным текстом (см. вариант № 4).

–

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ТОМУ.
В настоящий том входят произведения 1856–1859 годов.

Кроме известных произведений: «Из записок князя Д. Нехлюдова» («Люцерн»),
Страница 37

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

«Альберт», «Три смерти» и «Семейное счастье», печатаемых по журнальным текстам, как единственным авторизованным, в этот том включены варианты к трем последним вещам, извлеченные из черновых рукописей Толстого, а также четыре произведения, опубликованные уже после его смерти: «Сказка о том, как другая девочка Варинька скоро выросла большая», «Как умирают Русские солдаты» («Тревога»), «Лето в деревне» и «Речь в Обществе Любителей Российской словесности».

Впервые печатаются в настоящем томе неоконченные и неотделанные произведения и наброски художественного содержания: «Начало фантастического рассказа», «Отъезжее поле», «Записки мужа», «Отрывок без заглавия», «Светлое Христово воскресенье»; писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян, в количестве семи номеров; один набросок публицистического содержания: «Записка о дворянстве»; заметка юридического содержания: «О русском военно-уголовном законодательстве» и, наконец, «Отрывок дневника 1857 года» (Путевые записки по Швейцарии) и «Проект по лесному хозяйству».

Произведения, появившиеся в печати при жизни Толстого, размещены в порядке их опубликования, остальные – в порядке их написания, поскольку они могут быть хронологически приурочены к определенному моменту.

Н. М. Мендельсон.

В. Ф. Саводник.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ПЯТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Л. Толстого и лиц его круга (брычка, пожалуста).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Л. Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые, а также и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся и это оговаривается в сноске.

На месте слов, неудобных в печати, ставится в двойных прямых скобках цифра, обозначающая число пропущенных редактором слов: [[1]].

Неполно написанные конечные буквы (как напр., крючок вниз, вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо который, и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый, «т[акъ] к[акъ]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-накрест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Обозначения: *, **, ***, ****, в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия с фотографического портрета Толстого, снятого в Брюсселе в 1861 г. (размер подлинника) между X и 1 стр.

Автотипия с последнего листа черновой рукописи первой редакции повести «Альберт» (размер подлинника) между 48 и 49 стр.

Примечания

1

[«Меланхолию в тоне Ге-дур!»]

2

[«моль, це-моль!»]

3

[ансамблях,]

4

[Пусть облака окутывают солнце, оно всё же остается вечно сияющим,]

5

[И я жил и наслаждался.]

6

Зачеркнуто: мнѣ не могу такъ веселиться какъ онъ.

7

На полях, против места, начинающагося со слов: Богъ знаетъ зачѣмъ пришли кончая: выступилъ на поэтическое поприще). написано: у него все есть и нѣтъ поэзіи.

8

На полях, против места, начинающагося со слов: Богъ знаетъ зачѣмъ пришли кончая: выступилъ на поэтическое поприще). написано: у него все есть и нѣтъ поэзіи.

9

В подлиннике: меланхоліи

10

В подлиннике три последних слова по ошибке зачеркнуты

11

Зачеркнуто: по своей привычкѣ

12

Зачеркнуто: чтобъ она истязала меня, била до крови, сдирала кожу,

13

Зачеркнуто: 0!

14

В подлиннике: перепригнулъ

15

Можно прочесть: а

16

Зачеркнуто: сви[жусь]

17

Точка переделана из запятой.

18

Переделано из: Вы думали.

19

а переделано из: и

20

Переделано из: вы

21

В подлиннике: любили и будете

22

На полях, против места, начинающегося словами: и только тогда кончая: на мѣсто его стала написано: Удивляется нелѣпости его холодной безлюбовной жизни.

23

На полях, против места, начинающегося словами: и только тогда кончая: на мѣсто его стала написано: Удивляется нелѣпости его холодной безлюбовной жизни.

24

Запятая переделана из вопросительного знака.

25

На полях, против места, начинающегося со слов: На другой день

кончая: взглянулъ на Делесова. написано: Д прїѣзжаетъ веселый, даетъ выпить и везеть.

26

На полях, против места, начинающегося со слов: На другой день

кончая: взглянулъ на Делесова. написано: Д прїѣзжаетъ веселый, даетъ выпить и везеть.

27

[Венецианский карнавал,]

28

[Ля-мажор.]

29

Зачеркнуто: весь міръ Божій. Зачеркнуто надписанное над: міръ Божій – родъ человѣческой.

30

Зачеркнуто: фразы.

31

На полях, против места, начинающегося со слов: О, у меня мѣсть много, кончая: проскользнулъ въ калитку. написано: черезъ мостъ, ночь!

32

Зачеркнуто: уничтоженіе сознанья.

33

В. И. Срезневский. «Георг Кизеветтер, скрипач Петербургских театров (к истории творчества Л. Н. Толстого). 1857/58» – «Толстой. 1850–1860. Материалы. Статьи. Редакция В. И. Срезневского. Труды Толстовского музея Академии наук СССР». Л. 1927.

34

В. И. Срезневский предполагает, что речь идет о Льве Михайловиче Жемчужникове.

35

[Как красиво!]

36

«Толстой. Памятники творчества и жизни». 4. Редакция В. И. Срезневского. Стр. 17.

37

«Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову». (М. 1916.) Стр. 196. Все выдержки из писем Толстого, напечатанных в «Архиве», проверены по подлинникам, хранящимся в Толстовском кабинете Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

38

«Архив села Карабихи», стр. 195, где письмо напечатано с датой: «28 декабря(1857)», явившейся в результате двойной ошибки. Во-первых, в подлиннике письмо помечено не 28, а 25 числом, а во-вторых, Толстой, несомненно, по ошибке датировал письмо декабрем, вместо ноября. В конце декабря письмо не могло быть написано, так как в нем идет речь о напечатании повести в декабрьской книжке, которая вышла в половине месяца, приблизительно между 7 и 15: 7 декабря помечено цензурное разрешение на приложенное к книжке объявление относительно «Сборника сведений о военно-учебных заведениях», а в объявлении об издании «Современника» в 1858 г., приложенном к № 151 «Московских ведомостей» от 17 декабря 1857 г., указывается содержание «двенадцати вышедших книжек» журнала.

39

Там же, стр. 203–204. Под письмом стоит только 28, но это, несомненно, 28 ноября 1857 г.

40

Альманах «Круг», книга 6. М. 1927, стр. 215.

41

А. Н. Пыпин. «Н. А. Некрасов», стр. 191.

42

Быть может, просил по телеграфу: под 30 ноября дневник отмечает посылку телеграммы.

43

«Архив села Карабихи», стр. 194.

44

Там же, стр. 197.

45

Там же, стр. 199.

46

Там же, стр. 200.

47

Альберт. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Альманах «Круг», кн. 6, стр. 128.

48

«Толстой. Памятники творчества и жизни». 4. Стр. 53–56.

49

И. Р. Эйгес, «Из творческой истории рассказа «Альберт» Л. Толстого» – журнал ГАХН «Искусство», 1928, кн. 1–2.

50

Б. Эйхенбаум. «Лев Толстой. Книга первая. 50-е годы». л. 1928, стр. 327–328.

51

[Пусть облака окутывают солнце, оно все же остается вечно сияющим]

52

[И я жил и наслаждался.]

53

[И если облако окутывает солнце, оно все же остается на небесном своде.]

54

«Текла (голос духа)».

55

В переводе Аполлона Григорьева первая строфа такова:

Где теперь я, что теперь со мною,
Как тебе мелькает тень моя?
Я ль не всё закончила с землею,
Не любила, не жила ли я?

56

[Жалоба девушки,]

57 Заключительные строки второй строфы в переводе В. Лялина:

Все счастье земное извела я:
Жила я и в жизни любила!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!